

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

18+

ПЛЯЖ

Алекс Гарленд

Алекс Гарленд

Пляж

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Гарленд А.

Пляж / А. Гарленд — «Азбука-Аттикус», 1996

ISBN 978-5-389-11704-4

Казалось бы, дебютный роман англичанина Алекса Гарленда вышел совсем недавно. Но за эти годы он успел разойтись по миру многомиллионным тиражом на нескольких десятках языков и был экранизирован Дэнни Бойлом (постановщиком «На игле») с Леонардо Ди Каприо (лауреатом «Оскара»-2016) в главной роли. Представьте себе, что вы попали в рай. В совершенно классический рай – пальмы, песок, кокосы и не хватает только гамака. Притом об этом рае мало кто знает, а потому чужаков там практически не бывает. Звучит заманчиво, не так ли? Вот и Ричард так подумал, когда увидел на своей двери таинственную карту, ведущую на загадочный пляж. Прихватив двух случайных попутчиков, он отправляется в погоню за своей мечтой. «Пляж» – это история о том, как бывает страшно, когда мечты оборачиваются реальностью. Содержит нецензурную брань

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11704-4

© Гарленд А., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Бангкок	6
Ко-Самуи	23
Приближаясь к цели	39
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алекс Гарленд

Пляж

Сюзи, Тео, Лео, Лоре и моим родителям

Alex Garland
THE BEACH

Copyright © Alex Garland, 1996
All rights reserved

© Е. Смирнов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство ИНОСТРАНКА®

Бум-бум

*Вьетнам, моя давняя любовь. Ни днем ни ночью – я никогда не переставал любить тебя.
– Дельта один-девять, вас вызывает патруль «Альфа». Мы на северо-восточном склоне
высоты семь-ноль-пять, нас обстреливают. Повторяю: нас обстреливают. Нужна под-
держка с воздуха, и, черт, как можно быстрее. Как поняли? Прием.*

В наушниках только треск.

*– Повторяю: это патруль «Альфа». Мы под обстрелом. Нужна поддержка с воздуха.
Как поняли? Мы под обстрелом, как поняли? По нам ведут... Мина летит, мина!*

Бум-бум.

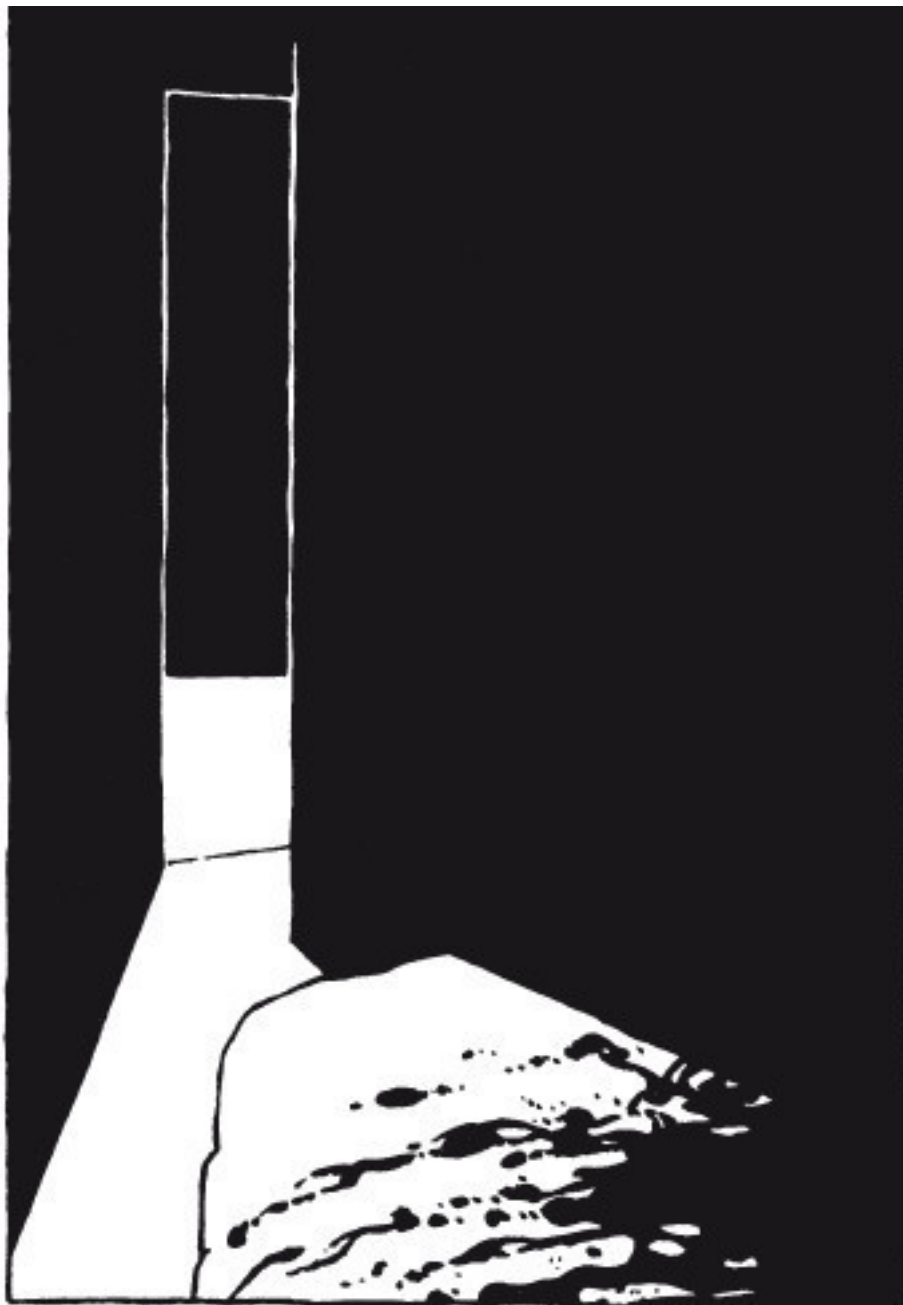
– Санитара сюда!

*Кислота, льющаяся сверху в дельту Меконга; марихуана через дуло винтовки, полет на
вертолете, оглушающий рев оперной музыки, следы трассирующих пуль, рисовые поля и запах
напалма ранним утром.*

Это было давно.

*Да, хоть и иду я долиною смерти, не убоюсь я зла, ибо меня зовут Ричард. Я родился
в 74-м.*

Бангкок

Бляж

Впервые я услышал о пляже на Кхаосан – одной из улиц Бангкока. Улица Кхаосан – страна пеших туристов. Почти все здания на ней переоборудованы в гостиницы, повсюду стоят телефонные будки с кондиционерами, из которых можно позвонить в любой уголок земного шара. В кафе крутят по видео новейшие голливудские фильмы, и вы не пройдете и нескольких метров, чтобы не наткнуться на лоток с пиратскими кассетами. Улица служит своего рода декомпрессионной камерой для тех, кто только что приехал в Таиланд или собирается покинуть эту страну, лежащую как раз на полпути между Востоком и Западом.

Я прилетел в Бангкок вечером, и, пока добирался до улицы Кхаосан, уже стемнело. Когда я ехал в такси, водитель, подмигнув, сказал мне, что в конце улицы находится полицейский участок. Я попросил его высадить меня на противоположном конце улицы. Я не замыслил ничего незаконного, но захотелось подыграть этому обаятельному заговорщику. На самом деле было не важно, в каком конце улицы останавливаться, полиция там работала довольно вяло. Выбравшись из такси, я сразу почувствовал запах травки. Примерно половина туристов вокруг уже были под кайфом.

Водитель высадил меня около гостиницы с ресторанчиком на открытом воздухе. Пока я внимательно осматривал гостиницу и изучал ее постояльцев, чтобы определить, куда же это я попал, худощавый мужчина, сидевший за ближайшим столиком, перегнулся через него и тронул меня за руку. Он смахивал на одного из тех наркоманов-хиппи, которыми буквально наводнены Индия и Таиланд. Наверное, приехал в Азию лет десять назад и как бы случайно пристрастился к наркотикам. Кожа у него была как у старика, хотя, на мой взгляд, ему не исполнилось еще и сорока. Смотрел он на меня так, будто прикидывал, сколько сможет с меня содрать.

– Чего тебе? – осторожно поинтересовался я.

На его лице отразилось удивление. Он поднял ладони вверх и, сложив большой и указательный пальцы в виде буквы «О», показал рукой в сторону гостиницы: о'кей.

– Хорошее место?

Он кивнул.

Я снова взглянул на сидевших за столиками. В основном это были приятные на вид молодые люди. Одни смотрели телевизор, другие просто болтали.

– О'кей. – Я улыбнулся человеку, вдруг он был не наркоманом, а просто дружелюбным немцем. – Уговорил.

Он улыбнулся в ответ и снова повернулся к экрану телевизора.

Примерно через четверть часа я уже расположился в своем номере, который был чуть больше двуспальной кровати. Я не преувеличиваю, в номере как раз стояла такая кровать, и между ней и стеной с каждой стороны оставалось не больше фута свободного пространства. Мой рюкзак едва поместился в эту щель.

Одна из стен номера – наружная стенка гостиницы – была из бетона. Другие были из пластика. Они покачивались от малейшего прикосновения. Я подумал, что если опереться на одну из них, то она упадет, возможно сбив другие, и все внутренние стены номеров тогда обрушатся, как костяшки домино. Стены чуть не доходили до потолка, и это пространство занимала металлическая сетка от москитов. Сетка создавала иллюзию уединенности – до тех пор, пока я не лег. Как только я расслабился и замер, стала слышна беготня тараканов в соседних комнатах.

За стеной у изголовья моей кровати жила молодая французская парочка – красивая, стройная девушка лет двадцати и такого же возраста симпатичный парень. Когда я входил к себе в номер, они как раз выходили из своего, и мы кивнули друг другу в знак приветствия. Номер с противоположной стороны был пуст. Свет в нем не горел, как я видел через сетку, да и будь он занят, я бы обязательно услышал дыхание человека. Это был последний в коридоре номер, и я решил, что он выходит на улицу и там есть окно.

На потолке висел вентилятор – достаточно мощный, чтобы гонять воздух, – включенный на полную катушку. Какое-то время я лежал неподвижно и просто смотрел на него. Он действовал на меня успокаивающе, и под влиянием тепла и легкого ветерка я почувствовал, как погружаюсь в сон. Меня это вполне устраивало. Перелет с запада на восток – самое тяжелое путешествие для человеческих биоритмов, и поэтому я решил, что нужно не откладывая привыкаться засыпать по местному времени.

Я повернул выключатель. Проникавшего из коридора света было достаточно, чтобы я по-прежнему видел на потолке вентилятор. Вскоре я заснул.

Раз или два я слышал шаги в коридоре. Мне показалось, что это вернулись французы, а потом снова ушли. Эти звуки не будили меня до конца, и я опять проваливался в сон. Пока я не услышал мужские шаги. Они были совершенно другими – слишком страшными, чтобы, слыша их, продолжать спокойно спать. В них не чувствовалось ни ритма, ни пружинистости – человек с трудом волочил ноги.

До меня донеслись невнятные обрывки английских ругательств, когда он подошел к своему номеру и стал дергать навесной замок. Затем человек глубоко вздохнул, замок щелкнул, и в его комнате зажегся свет. У меня на потолке появилась узорчатая тень от москитной сетки.

Я нахмурился и взглянул на часы. Два часа ночи. В Англии сейчас еще только начинается вечер. Интересно, смогу ли я снова уснуть?

Мужчина тяжело опустился на кровать, и разделявшая нас стена угрожающе задрожала. Он закашлялся, а затем я услышал шелест бумаги – он сворачивал косяк. Вскоре на свету показался голубой дымок, постепенно перебравшийся через сетку ко мне.

Мужчина молчал и лишь изредка с шумом выпускал дым изо рта. Я уже почти заснул...

– Бляж, – слышался голос.

Я открыл глаза.

– Чертов бляж. Обоим нам... – Голос прервался, его владелец закашлялся. – ...дец.

Теперь я совсем проснулся и сел на кровати.

– Кораллы... голубая вода... мой бляж. Черт возьми, доконал меня... – продолжал человек.

Он говорил с акцентом, но я спросонок не мог определить с каким.

– Бляж, – повторил он снова, будто выплюнул слово.

Акцент шотландский. Пляж.

Послышалось какое-то царапанье – по стене. Сначала я подумал, что мужчина пытается опрокинуть ее, и представил, как буду зажат между рухнувшей стеной и кроватью. Сквозь сетку появился силуэт его головы.

– Эй! – позвал он.

Я не шевелился. Я был уверен, что он не сможет ничего разглядеть в моем номере.

– Эй! Я знаю, что ты слушаешь. Знаю, что ты не спишь. – Он поднял палец и с силой ткнул в сетку. Она с треском оторвалась от пластика в месте крепления. Человек просунул руку в образовавшуюся брешь. – Держи.

Темноту прочертил светящийся красный предмет и в снопе искр упал на мою постель. Косяк, который он курил. Я схватил его, чтобы не загорелись простыни.

– Ага, – сказал мужчина и тихо засмеялся. – Попался. Я видел, как ты поднял окуроч.

Несколько секунд я просто не владел ситуацией. А что, если бы я спал? Ведь простыни могли загореться. Я бы сгорел заживо. Паника сменилась раздражением, но я справился с ним. Заводиться из-за какого-то случайного в моей жизни человека?! Я по-прежнему видел лишь силуэт его головы, освещенной сзади.

Я поднял окуроч повыше и спросил незнакомца:

– Хочешь его обратно?

– Ты слушал, – сказал он, не обращая внимания на мои слова. – Ты слышал, как я говорил о пляже.

– У тебя громкий голос.

– Скажи, что ты слышал.

– Я ничего не слышал.

– Ничего? – мгновение он помолчал, а затем его голова просунулась в сетку. – Врешь.

– Нет. Я спал. Ты разбудил меня... когда бросил в меня свой окурок.

– Ты слушал, – прошипел он.

– Мне плевать, если ты мне не веришь.

– А я тебе не верю.

– Ну... мне на это наплевать. Послушай, – я встал на кровати, и наши головы оказались на одном уровне, и поднес косяк к проделанной им в сетке дыре, – если он тебе нужен, забирай. Я хочу только одного – завалиться спать.

Когда я поднял руку, он отпрянул и оказался на свету. Лицо у него было плоское, как у боксера, а нос бесформенный – из-за множества переломов. Нижняя челюсть была слишком велика по сравнению с верхней половиной черепа, который выглядел бы устрашающе, если бы не тело. Его шея была такой тонкой, что казалось невероятным, как на ней держится голова. Его майка свободно болталась на плечах, как на вешалке.

Я посмотрел мимо него, в номер. Как я и предполагал, там имелось окно, но он завесил его газетами. А вообще комната была абсолютно голой.

Он просунул руку в дыру и выхватил окурок у меня из пальцев.

– О'кей, – сказал я, решив, что уже в какой-то мере контролирую ситуацию. – А теперь оставь меня в покое, хорошо?

– Нет, – спокойно ответил он.

– Нет?

– Нет.

– Почему? Что тебе... тебе что-то нужно?

– Ага, – ухмыльнулся он. – Вот поэтому-то... – он снова просунул голову в сетку, – я и не оставляю тебя в покое.

Но едва он произнес эти слова, как, по-видимому, передумал. И исчез из поля зрения, скрывшись в углу номера.

Я постоял еще секунду-другую, смущенный, но исполненный желания упрочить свой авторитет – показать, что именно он спустился обратно первым, а не я. Потом я услышал, как он снова зажигает косяк. Ну все, хватит, решил я и снова лег.

Даже минут через двадцать после того, как он выключил свет, я все никак не мог заснуть. Я был слишком возбужден, в мозгу крутилось множество мыслей. Пляжи, бляжи... Я устал и нервничал от переизбытка адреналина. Будь в моем распоряжении хотя бы час полной тишины, я бы наверняка сумел расслабиться, но вернулись французы и занялись любовью.

Слыша прерывистое дыхание и скрип кровати, невозможно было не представлять их в своем воображении. Лицо девушки, которую я мельком видел вечером в коридоре, врезалось мне в память. Изысканная красота. Смуглая кожа, темные волосы, карие глаза. Полные губы.

После того как они закончили, мне страшно захотелось курить (может, от сопереживания?), но я остановил себя. Я знал: если закурю, они услышат шелест пачки или звук чиркающей о коробок спички – и иллюзия уединения для них будет потеряна.

И я решил замереть на кровати и лежать без движения как можно дольше. Оказалось, что я очень долго могу так лежать.

География

Улица Кхаосан просыпалась рано. В пять утра зазвучали приглушенные клаксоны автомобилей – бангкокский вариант утреннего радиосигнала. Под полом сразу же зашумели водопроводные трубы – персонал гостиницы принимал душ. Я слышал, как служащие переговаривались друг с другом: над плещущейся водой парили жалобные звуки тайской речи.

Лежа в кровати, я прислушивался к утреннему шуму, и напряжение минувшей ночи казалось теперь нереальным и далеким. Хотя я и не мог понять, о чем служащие говорили между собой, их болтовня и раздававшийся время от времени смех возвращали смысл происходящему. Люди делали то, что обычно делали каждое утро, а их мысли были связаны лишь с повседневной жизнью. Наверное, они обсуждали, кто пойдет на рынок за продуктами или чья сегодня очередь подметать гостиничные холлы.

Примерно в пять тридцать щелкнуло несколько дверных замков – появились новые постояльцы, ранние пташки, а с улицы Патпонг вернулись неугомонные любители ночных развлечений. Две девушки-немки с грохотом поднимались по деревянной лестнице в противоположном конце коридора – наверняка обутые в сабо.

Я понял, что время, когда мне урывками удавалось забыться сном без сновидений, закончилось, и решил выкурить сигарету, в которой решительно отказал себе несколько часов назад.

Ранняя утренняя сигарета подействовала на меня как тонизирующее. Я лежал, глядя вверх, на животе покачивалась импровизированная пепельница – пустой спичечный коробок, и с каждым колечком дыма, улетающим к потолку, мое настроение немного поднималось. Вскоре мои мысли сосредоточились на еде. Я вышел из номера, чтобы выяснить, можно ли позавтракать в ресторанчике внизу.

За столиками уже сидели несколько путешественников, сонно потягивающих кофе из маленьких стаканов. Один сидел там же, что и вчера вечером. Вчерашний приветливый немой (или все же наркоман?); судя по его остекленевшему взгляду, он провел здесь всю ночь. Садясь за столик, я дружески улыбнулся ему, и человек кивнул мне в ответ.

Я взялся изучать меню, напечатанное на некогда белом листе бумаги и включавшее столько названий блюд, что я быстро понял безнадежность своей затеи что-нибудь выбрать. Неожиданно меня отвлек изумительный запах. Мальчик-официант принес поднос с фруктовыми блинчиками для группы американцев, положив тем самым конец их добродушному спору о расписании поездов на Чиангмай.

Один из американцев заметил, как я смотрю на эти блинчики, и показал на свою тарелку.

– Банановые блинчики, – сказал он. – Что надо.

Я кивнул:

– Пахнут отлично.

– На вкус еще лучше. Ты англичанин?

– Угу.

– Давно приехал?

– Вчера вечером. А ты?

– Уже с неделю здесь, – ответил он и отправил в рот кусок блинчика, отводя взгляд. Я понял, что разговор окончен.

Мальчик-официант подошел к моему столу и застыл в ожидании, глядя на меня сонными глазами.

– Один банановый блинчик, пожалуйста, – сказал я, вынужденный быстро принимать решение.

– Вы хотите заказать один банана блинчик?

– Да, пожалуйста.

– Вы хотите заказать напиток?

– Угу. Колу. Нет, лучше «спрайт».

– Вы хотите один банана блинчик, один «спрай»?

– Да.

Он отправился обратно на кухню, а на меня неожиданно нахлынула теплая волна счастья. Солнце ярко освещало улицу. Какой-то мужчина устанавливал на тротуаре лоток с пиратскими кассетами и укладывал их на столике рядами. Около мужчины маленькая девочка чистила

и нарезала ломтиками ананасы. Под ее ножом жесткая кожура превращалась в аккуратные спирали. Позади девочка помладше отгоняла тряпкой мух.

Я закурил свою вторую сигарету за день, но не потому, что мне хотелось курить. Просто я почувствовал – сейчас подходящий момент.

Француженка появилась одна, без своего спутника. И без обуви. У девушки были стройные, коричневые от загара ноги, едва прикрытые короткой юбкой. Девушка грациозно пересекла площадку рестораника. Мы все на нее смотрели. Немой наркоман, американцы, мальчишки-официанты. Как она идет между столиками, покачивая бедрами и позванивая серебряными браслетами на запястьях. Когда она скользнула взглядом по ресторанику, мы быстро отвели глаза, а когда она выходила на улицу, мы смотрели ей вслед.

После завтрака я решил прогуляться по Бангкоку или хотя бы по улицам, примыкавшим ко Кхаосан. Я заплатил за еду и направился к себе в номер за деньгами – на случай, если придется взять такси.

Наверху, около лестницы, я наткнулся на старуху, которая мыла окна шваброй. Вода стекала по стеклу прямо на пол. Одежда старухи совершенно промокла. А швабра мелькала угрожающе близко к свисавшей с потолка лампочке.

– Извините, – обратился я к старухе, предварительно убедившись, что нахожусь за пределами постепенно расширявшейся на полу лужи.

Старуха обернулась.

– Вода и электричество – несовместимы.

– Да, – ответила старуха. У нее были черные, гнилые зубы. А может, они были желтыми, как горчица. Казалось, что у нее во рту полно ос. – Горячо-горячо. – Она специально начала тереть лампочку шваброй. Вода на лампочке сердито зашипела, и к потолку устремилась струйка дыма.

Я вздрогнул:

– Осторожнее! Вас током убьет.

– Горячо.

– Послушайте... – Я сделал паузу, видя, что меня не поняли, а потом решил попробовать еще раз. Оглянулся по сторонам. На лестничной площадке, кроме нас, никого не было. – Хорошо, смотрите.

И я разыграл небольшую пантомиму. Я изобразил, как мою окно, а затем сделал вид, что попал воображаемой шваброй в лампочку. После этого принялся корчиться в судорогах якобы от удара током.

Она положила свою сморщенную ладонь мне на руку, прекращая мои конвульсии.

– Э-э, чувак, – протянула она голосом слишком высоким, чтобы его можно было назвать подобревшим. – Это круто.

Я удивленно поднял брови. Я решил, что ослышался.

– Остынь, – добавила она. – Не напрягайся.

– Ладно, – сказал я, пытаясь не подавать виду, что полностью сбит с толку: тайская карга владеет хипповским жаргоном... Видимо, давно работает на Кхаосан. Чувствуя себя как обруганный, я направился к своему номеру.

– Эй, – крикнула старуха мне вслед. – Тебе пиймо.

Я остановился.

– Что?

– Пиймо.

– Письмо?

– Пиймо! На твой дверь!

Я благодарно кивнул ей, удивившись тому, что она знает, где мой номер, и зашагал по коридору. Действительно, к моей двери был пришпилен конверт. На нем было неразборчиво написано: «Карта». Все еще пребывая под впечатлением от странного сленга старухи, я схватил письмо, даже не задумавшись.

Она наблюдала за мной с противоположного конца коридора, опершись на швабру. Я высоко поднял конверт:

– Письмо у меня. Спасибо. Вы не знаете, от кого оно?

Она нахмурилась, не понимая вопроса.

Я разыграл еще одну небольшую пантомиму, и старуха отрицательно покачала головой.

– Ну, все равно спасибо.

– Не напрягайся, – ответила она и вернулась к мытью окон.

Через минуту-другую я уже сидел на кровати, и вентилятор с потолка дул мне в затылок. В руках я держал карту. Рядом, на кровати, под воздушной струей шелестел пустой конверт. Старуха, звякая ведром со шваброй, поднялась этажом выше.

Карта была очень красивой. Контуры островов были обозначены зеленой шариковой ручкой, а в море плескались нарисованные синим карандашом волны. В правом верхнем углу был изображен разделенный на шестнадцать частей компас со стрелками и верным наименованием сторон света. Сделанная толстым красным маркером надпись вверху карты гласила: «Сиамский залив». Названия островов были выведены красной ручкой потоньше.

Карта была изготовлена с такой тщательностью, что я, глядя на нее, невольно улыбнулся. Она напомнила мне сделанные под копирку домашние работы по географии. Мелькнуло краткое воспоминание об учителе, который раздавал тетради, сопровождая эту процедуру саркастическими замечаниями.

– Кто же прислал ее? – недоуменно пробормотал я и снова заглянул в конверт, надеясь найти какую-нибудь записку с объяснением, но он был пуст.

Затем на одном из скоплений небольших островков я обнаружил черную отметку в виде латинской буквы «Х». Я пригляделся повнимательнее. Под отметкой крошечными буквами было написано слово «пляж».

В общем-то, я не представлял, что скажу ему. Меня одолевало любопытство: хотелось знать, что крылось за его разговорами о пляже. А еще я не на шутку разозлился. Похоже, парень собрался испортить мне отдых. То шипит на меня ночью через противомоскитную сетку, то оставляет непонятные карты...

Его дверь была не заперта, висячий замок на ней отсутствовал. Прежде чем постучать, я с минуту прислушивался. Когда я наконец постучал, дверь приоткрылась.

Несмотря на закрытые газетами окна, в комнате было достаточно света, чтобы все разглядеть. Мой ночной знакомый лежал на кровати, устремив взгляд в потолок. Я решил, что он вскрыл себе вены, а может, полоснул себя по горлу... В полумраке, когда вокруг столько крови, трудно определить, откуда именно она вытекла. Но я ни секунды не сомневался в том, что это было самоубийство: в руках у покойного блестел нож.

Я стоял неподвижно и секунду-другую пристально смотрел на мертвеца. А потом вышел из номера, чтобы позвать на помощь.

Этьен

Полицейский весь вспотел. Жара тут была ни при чем: кондиционер в комнате работал хорошо, и я чувствовал себя как в холодильнике. Полицейский вспотел от усилий говорить по-английски. Когда он пытался произнести какое-то трудное слово или большое предложение, лоб его покрывался тысячей морщин и на его коричневой коже выступали маленькие бусинки пота, похожие на опалы.

– Но мисер Дак не ваша друг, – произнес он.

Я отрицательно покачал головой:

– Я впервые увидел его этой ночью. Послушайте, Дак – это вымышленное имя. Прикол.

– Прикол? Кнопка? – переспросил полицейский.

– Ненастоящее имя. – Я ткнул пальцем в записную книжку. – Даффи Дак – это персонаж мультфильма.

– Муфилма?

– Да.

– Мисер Дак – муфилм?

– Как Багз Банни. Или Микки-Маус.

– О, – промолвил полицейский. – Значит, он оставит ненастоящее имя гостиница?

– Так точно.

Полицейский вытер лицо рукавом рубашки. Капельки пота упали на записную книжку, и чернила в некоторых местах расплылись. Он недовольно нахмурился, и вместо старых капелек на его лице выступили новые.

– Теперь я хочу спросить вас о месте преступления.

– Пожалуйста.

– Вы войти в номер мисера Дака, потому что чего?

Я уже продумал ответ на этот вопрос по дороге в полицейский участок на улице Кхаосан.

– Потому что он не давал мне спать ночью и я хотел сказать ему, чтобы он больше так не делал.

– А, прошлый ночь мисер Дак производить шум.

– Совершенно верно.

– И что вы нашли в номере?

– Ничего. Я лишь увидел, что человек лежит мертвый, и пошел сообщить об этом администратору гостиницы.

– Мисер Дак уже был мертвый? А как вы могли знать об это?

– А я не знал. Я лишь предположил, что он мертвый. Там было много крови.

Полицейский понимающе кивнул, а затем откинулся на спинку стула.

– Я думаю, вы сердиться насчет столько много шум прошлый ночь, а?

– Конечно.

– Сильно сердиться на мисер Дак?

Я умоляюще поднял руки:

– Я провел все утро в ресторане за завтраком. С шести до девяти. Меня многие видели там.

– А может быть, он умирать до шесть часов?

Я пожал плечами. Мне не о чем было волноваться. В моей памяти четко запечатлелись слабый свет, проникавший в окно из-под газет, и искрящиеся блики на мистере Даке. Кровь была еще свежей.

Полицейский вздохнул:

– О'кей. Вы еще раз рассказывать мне о прошлый ночь.

Почему я не упомянул о карте? Да потому, что не хотел быть замешанным в расследовании иностранной полиции, тогда бы мой отдых точно накрылся. К тому же меня не особо волновала смерть моего соседа. Таиланд – экзотическая страна с наркотиками и СПИДом, человека в ней повсюду подстерегают опасности, и если Даффи Дак немного перебрал, то это его проблемы.

У меня сложилось впечатление, что полицейского тоже не очень волнует это дело. После еще примерно получасового безжалостного допроса («Можете ли вы подтвердить, что вы есть

банана блинчик?») он отпустил меня, предварительно попросив не уезжать с Кхаосан в течение ближайших двадцати четырех часов.

Приятель француженки сидел на ступеньках у входа в полицейский участок, подставив лицо солнцу. Очевидно, парня тоже вызвали на допрос. Когда я спускался по ступенькам, он повернул голову, подумав, наверное, что идет девушка, а затем снова отвернулся.

Обычно я воспринимаю подобные вещи как знак нежелания вступать в разговор. Я много путешествую в одиночку, поэтому иногда ищу разговоров и компаний. Но язык тела для меня немало значит, и, даже если мне одиноко, я не стану набиваться в собеседники человеку, которому не нужно общение. Однако на этот раз я проигнорировал поданный мне знак. Да, мне не хотелось иметь дело с полицией, но смерть придала новому дню необычное начало, и меня просто распирало от желания поболтать.

Я подсел к парню, чтобы он не смог уклониться от разговора. Но оказалось, я неправильно оценил ситуацию. Парень был настроен весьма дружелюбно.

– Привет, – сказал я ему. – Ты говоришь по-английски? *Je parle français un petit peu mais malheureusement je suis pas très bon*¹.

Он рассмеялся и ответил с легким акцентом:

– Да, я говорю по-английски.

– Ты здесь тоже из-за того постояльца, который умер?

– Да. Я слышал, это ты нашел его.

Слухи уже расползлись...

– Да, – подтвердил я, вытаскивая сигареты из кармана. – Я нашел его сегодня утром.

– Похоже, у тебя из-за этого проблемы.

– Все в порядке. Куришь?

– Нет, спасибо.

Я закурил.

– Меня зовут Ричард, – сказал я, выпуская дым изо рта.

– Этьен, – представился он в свою очередь, и мы обменялись рукопожатием.

Вчера вечером я дал ему лет восемнадцать. Однако днем он выглядел старше – все двадцать или двадцать один. С виду типичный житель Средиземноморья – короткие темные волосы, стройный. Я представил себе его через несколько лет: поправившимся килограммов на десять, стакан «Рикара» в одной руке и занесенный для броски стеклянный шарик – в другой.

– Все это так странно, – сказал я. – Я прилетел в Таиланд только вчера вечером, хотел оттянуться в Бангкоке, и тут на тебе...

– Мы здесь уже месяц, но это происшествие даже для нас совершенно непонятная вещь.

– Ну, думаю, любая смерть всегда немного непонятна. А где вы были за этот месяц? Наверное, не только в Бангкоке.

– О нет, – энергично замотал головой Этьен. – На Бангкок вполне хватит нескольких дней. Мы были на севере.

– В Чианграе?

– Да, ходили в поход. Спускались на плоту по реке. Скучно. – Он вздохнул и, подавшись назад, прислонился к верхним ступенькам.

– Скучно?..

Этьен улыбнулся:

– Плоты, походы. Мне хочется чего-то другого, как и всем остальным. Но все мы делаем одно и то же. Никакого...

– Приключения?

¹ Я говорю по-французски, но, к сожалению, очень плохо (*фр.*).

– Я думаю, что ради приключений мы и приезжаем сюда. – Он показал куда-то за угол, мимо полицейского участка, на улицу Кхаосан. – Мы приезжаем в поисках приключений, а находим вот это.

– Облом.

– Да. – Этьен минуту помолчал, слегка нахмурился, а затем произнес: – Этот парень, который умер, он был очень странным. Мы слышали, как по ночам он разговаривал сам с собой и кричал... Стены в гостинице такие тонкие.

К собственной досаде, я покраснел, потому что вспомнил, как Этьен и его подружка занимались сексом. Я глубоко затынулся и уставился на ступеньки лестницы, на которых мы сидели.

– Неужели? – наконец сказал я. – Я так устал вчера, что заснул...

– Да. Иногда мы специально возвращались в гостиницу попозже, чтобы он уже спал.

– Теперь он уже не мешает.

– Мы часто не понимали его. Я знаю, говорил он по-английски, потому что я разбирал некоторые слова, но... это было нелегко.

– Мне тоже было трудно понять его. У шотландцев такой акцент...

– Да? Ты слышал, как он кричал прошлой ночью?

Теперь Этьен залился краской. Я сделал вид, будто поглощен своей сигаретой. Мое замешательство из-за этого только усилилось. Странно, конечно, но если бы его подружка была некрасивой, то все происшедшее лишь развлекло бы меня. Но она была очень красива, и поэтому мне казалось, будто у меня с ней что-то было. У меня с ней действительно что-то было. В моем воображении.

Мы краснели, глядя друг на друга, пока неловкое молчание не стало слишком угнетающим.

– Да, – нарочито громко сказал наконец я. – У него был сильный шотландский акцент.

– Вот как, – отозвался Этьен, тоже более уверенным голосом. – Теперь понятно.

Он задумчиво погладил свой подбородок, будто разглаживая бороду, хотя редкая поросль на его щеках красноречиво свидетельствовала о том, что до своей бороды ему еще очень далеко; а потом Этьен сказал:

– Он говорил о пляже.

Парень посмотрел на меня в упор, проверяя мою реакцию. Я кивнул: мол, продолжай.

– Обычно он говорил о пляже всю ночь. Я лежал на кровати с открытыми глазами, потому что не мог заснуть от его воплей, и гадал – о чем он там говорит. Мне очень хотелось решить эту головоломку. – Этьен рассмеялся. – «Черрртов бляж», – произнес он, довольно ловко подражая голосу умершего. – Понадобилось три ночи, чтобы понять, что он говорил про пляж. Настоящая головоломка.

Я снова затынулся, создавая тем самым паузу в разговоре и предлагая Этьену заполнить ее.

– Я люблю головоломки, – сказал он, обращаясь уже как бы не ко мне. А потом погрузился в молчание.

Когда нам с другом было по семнадцать лет, мы отправились в путешествие в Индию. Шутки ради решили пронести на борт самолета, следовавшего рейсом из Шринагара в Дели, по три грамма гашиша. У каждого из нас был свой план действий. Я поместил дозу в пластиковый пакетик, обмотал его для маскировки лентой, сбрызнул дезодорантом, чтобы отбить запах, а потом засунул в бутылочку с таблетками от малярии. Предосторожности были излишними: офицеры-таможенники не проявляли интереса к внутренним рейсам. Но я все равно хотел подстраховаться.

В аэропорту я здорово испугался. Я действительно испугался: глаза у меня лезли из орбит, я весь дрожал и потел как свинья. Страх страхом, но я сделал одну совершенно непонятную вещь. Я рассказал абсолютно незнакомому человеку, которого случайно встретил в зале ожидания, что у меня в рюкзаке спрятаны наркотики. Он не вытягивал из меня клещами эти сведения – я сам рассказал ему. Перевел разговор на наркотики, а затем признался, что я курьер.

До сих пор не понимаю, зачем я это сделал. Ясно ведь, что это чудовищная глупость, но я все равно ее совершил. Мне просто нужно было хоть кому-нибудь рассказать, что я затеял.

– Я знаю, где этот пляж, – сказал я.

Этьен удивленно поднял брови.

– У меня есть карта.

– Какая карта? Карта пляжа?

– Этот парень нарисовал ее для меня. Я нашел ее сегодня утром. Она была пришпилена к двери моего номера. На ней показано, где находится пляж и как туда добраться. Карта лежит у меня в номере.

Этьен присвистнул.

– Ты сказал об этом полиции?

– Нет.

– Может быть, это очень важно. Может, это имеет отношение к тому, почему он...

– Может. – Я стряхнул пепел с сигареты. – Но я не хочу быть замешанным в это дело. Решат еще, что мы знали друг друга раньше и все такое, а мы с ним даже не были знакомы. Я впервые увидел его сегодня ночью.

– Карта... – тихо сказал Этьен.

– Круто, а?

Этьен неожиданно встал:

– Можно мне взглянуть на нее? Ты не против?

– Ну, вообще-то нет, – ответил я. – Но ты ведь тут ждешь?..

– Франсуазу? Она знает дорогу в гостиницу. Нет, я хотел бы взглянуть на карту прямо сейчас. – Он мягко положил мне руку на плечо. – Если можно, конечно...

Я удивился такому проявлению дружеских чувств от незнакомца. Мое плечо резко дернулось, и его рука упала.

– Конечно можно, – сказал я. – Пошли.

Немой

По дороге в гостиницу мы молчали. Трудно вести разговор, когда лавируешь среди сотен туристов, минуешь торговцев, предлагающих пиратские кассеты, проходишь мимо дискотек, ускоряя шаг под одну мелодию и замедляя его под другую. Группа «Криденс» призывала нас ринуться в джунгли. Как будто мы нуждались в подобном призыве! Динамики трещали техно-битом, которого вдруг сменял Джими Хендрикс.

Взвод. Джими Хендрикс, наркотики и стволы винтовок.

Я принюхался, пытаюсь уловить запах травы, – чтобы все звенья соединились в единую цепь. И почувствовал его, несмотря на вонь сточных канав и липнувшего к подошвам гудрона. Я решил, что запах идет сверху – с балкона, полного голов в косичках, тел в грязных майках. Сгрудившиеся на балконе перегнулись через перила и наслаждались происходящим внизу.

Внезапно откуда-то вынырнула коричневая рука и схватила меня. Торговец-тайланец, сидевший у своего лотка, худенький человечек со шрамами от прыщей, крепко держал меня за

руку. Я искал глазами Этьена. Он не заметил, что произошло, и продолжал шагать по улице. Вскоре он затерялся среди покачивавшихся голов и загорелых шей.

Торговец, не ослабляя хватки, начал плавно и быстро поглаживать свободной рукой мое предплечье. Рассердившись, я попытался освободиться. Он вновь потянул меня к себе и прижал мою руку к своему бедру. Мои пальцы сжались в кулак, костяшки вонзились ему в кожу. Прохожие шли мимо по тротуару, задевая меня плечами. Один из них поймал мой взгляд и улыбнулся. Торговец перестал гладить руку и начал поглаживать мою ногу.

Я взглянул на него. Его лицо оставалось бесстрастным и непроницаемым, а взгляд его был устремлен мне на живот. Торговец последний раз погладил мою ногу, повернув кисть таким образом, что его большой палец на мгновение проскользнул под мои шорты. Затем выпустил мою руку, погладил меня по задку и повернулся к своему лотку.

Я пустился трусцой к Этьену. Он, подбоченившись, стоял на тротуаре метрах в двадцати. Когда я приблизился, он вопросительно вскинул брови. Я нахмурился. Мы пошли дальше.

Молчаливый наркоман сидел на своем обычном месте в ресторанчике при гостинице. Увидев нас, он провел пальцем по запястьям. «Жаль, а?» – хотел сказать я, но мои губы слиплись, и я едва смог разжать их. Из горла вырвался звук, похожий на вздох.

Франсуаза

Этьен минут пять молча рассматривал карту. Потом сказал: «Подожди-ка» – и выскочил из моего номера. Я слышал, как он за стеной роется в своих вещах. Вскоре он вернулся с путеводителем.

– Смотри, – показал он мне на открытую страницу. – Вот те острова, которые обозначены на карте. Национальный морской парк к западу от Ко-Самуи и Ко-Пхангана.

– Ко-Самуи?

– Да. Все острова охраняются. Видишь, они закрыты для туристов?

Ну как я мог это увидеть? Путеводитель был на французском языке. Тем не менее я утвердительно кивнул. Этьен помолчал, читая про себя, а затем продолжил:

– Так. Туристам разрешено посещать... – Он взял карту и ткнул пальцем в крупный остров небольшого архипелага, расположенный на три острова южнее отметки «Х» на карте. – Вот он. Ко-Пхелонг. Туристы могут поехать на Ко-Пхелонг по спецтуру, который организуют на Ко-Самуи, но там можно оставаться лишь одну ночь. При этом покидать остров запрещается.

– Значит, этот пляж – территория национального парка?

– Да.

– И как туда добраться? – Я лег на кровать и закурил. – Все ясно. Эта карта – дерьмо собачье.

Этьен отрицательно покачал головой:

– Нет. Она вовсе не дерьмо. Ну, подумай сам, зачем этот человек оставил ее тебе? Он так над ней трудился! Ты только взгляни на эти маленькие волны.

– Он называл себя Даффи Дак. Он был сумасшедший.

– Я так не думаю. Послушай. – Этьен взял путеводитель и начал с ходу переводить: – Самые смелые путешественники... отправляются на острова за пределами Ко-Самуи в поисках... в поисках... спокойствия. Их излюбленная цель – Ко-Пханган. Но даже Ко-Пханган в настоящее время... – Этьен запнулся. – О'кей, Ричард, здесь написано, что путешественники активно осваивают новые острова за пределами Ко-Пхангана, потому что Ко-Пханган сейчас – это то же самое, что и Ко-Самуи.

– Что ты имеешь в виду?

– Остров испорчен. Слишком много туристов. Правда, это книга трехлетней давности. Может быть, сейчас некоторые путешественники считают, что острова за Ко-Пханганом тоже испорчены. Вот и нашли себе этот совершенно нетронутый остров в национальном парке.

– Но ведь на него никак не попадешь.

Этьен поднял глаза к потолку:

– Совершенно верно! Поэтому они и стремятся туда. Там нет других туристов.

– Тайские власти выгонят их оттуда.

– Посмотри, сколько здесь островов. Попробуй найди тут кого-нибудь. Заслышав шум катера, они наверняка прячутся. Так что их можно обнаружить, только когда точно знаешь, что они – там. Но мы это знаем. У нас есть вот это. – Он бросил мне карту. – Слушай, Ричард, я найду этот пляж.

Я улыбнулся.

– Нет, правда, – сказал Этьен. – Можешь поверить мне на слово.

Я верил ему. Я узнал этот взгляд. В подростковом возрасте я и двое моих друзей, Шон и Дэнни, прошли через это – через тягу к мелкому хулиганству. Рано утром по уик-эндам (потому что по будням приходилось посещать школу) мы патрулировали улицы нашего квартала и крушили все на своем пути. Самой любимой нашей игрой была «Бутылка». Она начиналась с похищения пустых молочных бутылок, стоявших на ступеньках у входных дверей. Затем мы подбрасывали бутылки высоко вверх и пытались их поймать. Забавнее всего было, когда бутылка падала на асфальт. В воздух взметался целый фонтан серебряных осколков, которые приятно хлестали по джинсам. Еще одним приколом был побег с места преступления. В идеальном случае нам вслед неслись крики разгневанных взрослых.

Взгляд Этьена напомнил мне, как мы перешли от битья молочных бутылок к битью автомобильных стекол. Мы сидели у меня на кухне, весело обсуждая эту идею, когда Шон сказал: «А давайте просто сделаем это». Сказал как бы между прочим, но по его глазам было видно, что он настроен крайне серьезно. По глазам было видно, что мысленно он все уже совершил и теперь слышал звон разбитого лобового стекла.

Этьен, наверное, уже слышал звук прибоя на этом таинственном пляже. Или прятался от охранников парка на пути к острову. Воздействие его слов было таким же, как и слов Шона: «А давайте просто сделаем это». Абстрактные фантазии неожиданно уступили место конкретным мыслям. Идея отправиться по маршруту, обозначенному на карте, имела серьезный шанс воплотиться в жизнь.

– Думаю, – сказал я, – мы сможем нанять какого-нибудь рыбака, чтобы он отвез нас на остров.

Этьен кивнул.

– Да. Туда, наверное, трудно добраться, но все-таки возможно.

– Нужно сначала добраться до Ко-Самуи. Или до Ко-Пхангана.

– А может, попробовать попасть туда из Сураттхани?

– Или с Ко-Пхелонга?

– Надо будет порасспрашивать людей.

– Кто-нибудь обязательно возьмет нас туда отвезти.

– Конечно...

И тут появилась Франсуаза. Она только что вернулась из полицейского участка.

Если Этьен сделал идею поиска пляжа возможной, то именно Франсуаза воплотила ее в действительность. Самое странное заключалось в том, что у Франсуазы это получилось почти случайно – просто она приняла как само собой разумеющееся, что мы едем.

Я не хотел, чтобы она заметила, какое впечатление производит на меня ее красота, поэтому, когда Франсуаза заглянула в дверь, я лишь на мгновение поднял глаза, бросил «привет» и снова углубился в изучение карты.

Этьен подвинулся на кровати и жестом пригласил девушку сесть рядом. Франсуаза осталась стоять в дверях.

– Я не дождался тебя, – начал Этьен по-английски, чтобы я тоже поучаствовал в беседе, – мы тут познакомились с Ричардом...

Она не приняла эстафеты и в ответ затараторила на французском. Я ничего не понимал из их разговора, за исключением отдельных слов и своего имени, однако скорость и выразительность их речи наводили на мысль, что Франсуаза разозлилась, поскольку он ушел, не дождавшись ее. Или ей не терпелось рассказать ему о том, что с ней произошло в участке.

Через несколько минут их голоса смягчились. Затем Франсуаза обратилась ко мне по-английски:

– Ричард, у тебя не найдется сигаретки?

– Держи. – Я протянул ей сигарету и с готовностью поднес зажигалку.

Когда девушка попыталась защитить руками пламя зажигалки от вентилятора, я заметил у нее на запястье небольшую татуировку в виде дельфина, наполовину скрытую ремешком часов. Место казалось неподходящим для татуировки, и я едва удержался, чтобы не высказать свое мнение, – это было бы слишком фамильярно. Шрамы и татуировки. Нужно очень хорошо знать человека, чтобы задавать ему вопросы об их происхождении.

– И что, эта карта правда от мертвеца? – спросила Франсуаза.

– Я нашел ее сегодня утром у себя на двери... – начал было объяснять я, но девушка перебила меня:

– Да, Этьен уже все рассказал. Дай лучше посмотреть.

Я передал Франсуазе карту, и Этьен указал девушке на пляж.

– Ого, – промолвила она, – да ведь это же недалеко от Ко-Самуи.

Этьен с энтузиазмом кивнул:

– Вот именно. Совсем немного проплыть на лодке. Но с Ко-Самуи нам стоит взять тур на Ко-Пхелонг, потому что туристы могут ехать туда на сутки и он еще ближе.

Франсуаза ткнула пальцем в остров, помеченный значком «X»:

– А откуда вы знаете, что там вообще что-то есть?

– А мы ничего и не знаем, – ответил я.

– Но если там ничего нет, как мы вернемся на Ко-Самуи?

– Мы вернемся на Ко-Пхелонг, – сказал Этьен. – Подождем катер с туристами. И скажем, что заблудились. Это не проблема.

Франсуаза изящно затынулась, едва втягивая дым в легкие.

– Ясно... Да... Ну, когда едем?

Мы с Этьеном переглянулись.

– Я устала от Бангкока, – продолжала Франсуаза. – Мы можем отправиться на юг сегодня вечером поездом.

– Да, но... – выдавил я, изумленный быстротой развития событий. – Дело в том, что нам придется немного подождать. Этот парень, покончивший с собой... В общем, в течение ближайших двадцати четырех часов мне нельзя покидать гостиницу.

Франсуаза вздохнула:

– Сходи в участок и объясни, что тебе нужно уехать. У них есть номер твоего паспорта?

– Есть, но...

– Значит, тебе разрешат покинуть гостиницу.

Франсуаза бросила окурок на пол и затушила его, как бы говоря тем самым, что разговор окончен. И правда, говорить было больше не о чем.

Местный колорит

В тот день я еще раз сходил в участок. Как и предсказывала Франсуаза, у меня не возникло никаких проблем. Мне даже не пригодился тщательно продуманный предлог для отъезда – встреча с другом в Сураттхани. Полицейских беспокоило лишь то, что у мистера Дака не было при себе паспорта и они не знали, в какое посольство сообщить. Я сказал, что он, по моему, был шотландцем, и это сообщение их очень обрадовало.

Возвращаясь в гостиницу, я вдруг подумал: а что дальше будут делать с телом мистера Дака? С этой картой я совсем забыл, что на самом деле кто-то умер. Без документов полиции было некуда отправить тело. Наверное, он пролежит в бангкокском морозильнике годик-другой или его кремируют. Передо мной возник образ его матери – там, в Европе, – не подзревающей о том, что ей предстоит провести несколько тяжелых месяцев в поисках ответа на вопрос, почему от ее сына нет никаких известий. Казалось несправедливым, что я знаю обо всем, что произошло, а она – нет. Если только у парня была мать.

Эти мысли вывели меня из равновесия. Я решил пока не возвращаться в гостиницу, где Этьен и Франсуаза обязательно заведут разговор о пляже и карте. Мне захотелось немного побыть одному. Мы собрались ехать на поезде, который отправлялся на юг в восемь тридцать вечера, поэтому я мог смело по крайней мере еще часа два не возвращаться в гостиницу.

Я повернул с улицы Кхаосан налево, прошел по аллее, обогнул одетое в леса недостроенное здание и вышел на оживленную главную улицу. Неожиданно я оказался в толпе тайландцев. Находясь среди туристов, я почти забыл, в какой стране нахожусь, и мне потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к перемене.

Вскоре я подошел к невысокому мостику через канал. Его едва ли можно было назвать красивым, но я остановился, чтобы рассмотреть свое отражение в воде и понаблюдать за игрой волн и бензиновыми пятнами. По обоим берегам канала над водой угрожающе нависали бедняцкие хижины. Солнце, скрывавшееся утром за дымкой, теперь палило вовсю. Около хижин кучка детей спасались от жары в воде, прыгая друг на друга и поднимая фонтаны брызг.

Один из них заметил меня. Я понял, что когда-то белые лица вызывали у него интерес, но это было давно. Несколько секунд он смотрел на меня с пренебрежительным, может, даже скучающим видом, а затем нырнул в черную воду. Он сделал искусное сальто, и друзья наградили его восхищенными криками.

Мальчик вынырнул и, снова посмотрев на меня, начал выбираться на берег. Руками он развел в стороны плывущий по воде мусор – обрезки полистирола, на мгновение показавшиеся мне похожими на мыльную пену.

Я одернул рубашку. Она была мокрой от пота и липла к спине.

В результате я отошел от Кхаосан мили на две. Взглянув еще раз на канал, я отправился в придорожное кафе, где поел супа с лапшой, затем пробрался через несколько пробок, миновал пару небольших храмов, зажатых между грязными бетонными зданиями. За время прогулки я не увидел ничего такого, что заставило бы меня пожалеть о столь быстром отъезде из Бангкока. Я не любитель достопримечательностей. Задержись я в городе еще на несколько дней, сомневаюсь, чтобы я выбрался куда-нибудь за пределы узких улочек, примыкавших к улице Патпонг.

Но я забрел так далеко, что уже не мог отыскать обратной дороги в гостиницу. Пришлось ловить такси. В каком-то смысле это была самая лучшая часть экскурсии. Машина с пытением везла меня сквозь голубую дымку выхлопных газов, и мне представилась возможность уловить детали, которых не замечаешь во время ходьбы.

Этьен и Франсуаза сидели в ресторанчике. Возле них лежали собранные вещи.

– Эй, – окликнул меня Этьен, – а мы уж решили, что ты передумал.

Я сказал, что это не так, и он вроде успокоился.

– Тебе, наверное, надо собираться. Думаю, нам лучше пораньше приехать на вокзал.

Я пошел к себе, чтобы забрать рюкзак. Поднявшись на свой этаж, я столкнулся с немым наркоманом, который спускался вниз. Меня ждал двойной сюрприз: во-первых, он покинул свое обычное место, а во-вторых, оказалось, что он вовсе не немой.

– Уезжаешь? – спросил он, когда мы поравнялись друг с другом.

Я кивнул.

– Белые пески и голубая вода манят?

– Вроде того.

– Тогда удачного путешествия.

– Буду стараться.

Он улыбнулся:

– Не сомневаюсь. Но я желаю, чтобы тебе оно *действительно* удалось.

Такова жизнь, Джим, хотя нам она казалась другой...

Вечером мы сели в вагон первого класса поезда, отправлявшегося на юг от Бангкока. Официант принес и поставил на столик перед нами недорогую, но вполне приличную еду. На ночь столик складывался и появлялись чистые двухъярусные полки-кровати. Мы сошли в Сураттхани и доехали на автобусе до Донсака. Оттуда на пароме «Сонгсерм» мы добрались прямо до причала в Натхоне.

Так мы попали на Ко-Самуи.

Я понял, что могу расслабиться, лишь после того, как задернул занавески на своей полке, отгородившись от всех остальных в поезде. Но главное, я отгородился от Этьена и Франсуазы. После отъезда из гостиницы все шло как-то нескладно. Не то чтобы они действовали мне на нервы – просто все мы вдруг осознали реальность нашего предприятия. Кроме того, я вспомнил, что мы совсем не знакомы друг с другом. Я совершенно забыл об этом из-за возбуждения, охватившего меня от столь быстрой смены событий. Я был уверен, что они чувствовали то же самое. Именно по этой причине они (так же как, впрочем, и я) практически не делали попыток завязать разговор.

Я лежал на спине, заложив руки за голову, и с радостью сознавал, что скоро засну, – меня убаюкивали приглушенный стук колес и покачивание вагона.

Большинство людей засыпают в поезде без труда, ну а для меня это вообще раз плюнуть. Я просто не могу не спать в поезде. Я вырос в доме, рядом с которым проходила железная дорога, а именно ночью особо обращаешь внимание на проносящиеся поезда. Моя колыбельная – это поезд в ноль десять с вокзала Юстон.

Ожидая, пока сработает павловский рефлекс, я исследовал хорошо продуманную конструкцию полки. Освещение в вагоне было слабым, но сквозь щели по краям занавески проникало достаточно света. Вокруг было множество всяческих сеток и отделений, которые я поставился должным образом использовать. В небольшой ящик в ногах я засунул майку с брюками, а ботинки положил на эластичную сетку, растянутую над животом. Прямо над головой была лампа для чтения с регулятором яркости. Она не работала, но рядом с ней ободрающе светила маленькая красная лампочка.

Засыпая, я начал фантазировать. Я вообразил, что поезд – это космический корабль и я направляюсь к какой-то далекой планете.

Не знаю, может, не только я размышляю о подобных глупостях. Я на эту тему ни с кем не говорил. Дело в том, что я еще не покинул мир детских игр и вряд ли когда-нибудь мне это удастся. У меня есть одна тщательно продуманная ночная фантазия – гонки на суперсовре-

менных болидах. Гонки не прекращаются в течение нескольких дней или даже недели. Когда я сплю, машиной управляет автопилот, несущий меня к финишу. Автопилот – это рациональное объяснение тому, как я могу лежать в постели и одновременно быть действующим лицом в собственной фантазии. Логическое обоснование в виде автопилота – очень важная вещь. Бесплезно фантазировать насчет гонок «Формулы-1» (как бы мне удалось поспать в такой машине?). Надо быть ближе к реальности.

Иногда я побеждаю, а иногда проигрываю гонки. В последнем случае я утешаю себя тем, что у меня всегда есть какой-то козырь про запас – кратчайший путь к финишу... или я умею проходить повороты быстрее, чем другие участники. Как бы то ни было, я засыпаю с чувством уверенности в себе.

Я думаю, что катализатором фантазии о космическом корабле стала маленькая красная лампочка. Как известно, подобными лампочками оснащен любой космический корабль. Все остальное – навороченные купе, шум и рывки поезда, ощущение приключения – было удачным дополнением.

Когда я заснул, мои сканеры уже изучали формы жизни далекой планеты. Скорее всего, это был Юпитер. Над планетой висели облака, напоминавшие кислотную майку шестидесятых.

Уютная оболочка моего космического корабля исчезла. Я снова лежу в кровати на улице Кхаосан и смотрю вверх, на вентилятор. В комнате жужжит комар. Я его не вижу, но, когда он пролетает рядом, его крылья гудят, как лопасти вертолета. Возле меня сидит мистер Дак. Простыни, в которые он закутан, красные и мокрые.

– Сверни мне, Рич, – обращается ко мне мистер Дак, протягивая наполовину свернутый косяк. – Никак не получается. Руки слишком липкие. «Ризла»...² «Ризла» не склеивается.

Когда я беру у него косяк, он с виноватым видом смеется.

– Это всё мои запястья. Изрезал их, и кровь никак не остановится. – Он поднимает руку, и на пластиковую перегородку брызжет кровь. – Видишь? Вот черт!

Я сворачиваю косяк, но лизнуть не могу. На сигаретной бумаге – красный отпечаток пальца.

– А! Не напрягайся насчет этого, Рич. Я не заразный. – Мистер Дак смотрит на свое промокшее одеяние. – Хотя и не очень чистый...

Я лизнул «ризлу».

– Подожди сам. А то я его только намочу.

Он протягивает мне зажигалку, и я сажусь на постели. Под моей тяжестью матрас оседает, и кровь стекает в образовавшуюся выемку. Мои трусы намокают.

– Ну как? Реальное дерьмо, а? Давай через ствол винтовки... Это круто, Рич.

– Ну, дунь мне.

– Да-а... – говорит мистер Дак. – Вот это мальчик! Хорош малыш...

Он ложится на кровать. Закидывает руки за голову – запястьями вверх. Я делаю еще одну затяжку. Кровь хлещет с лопастей вентилятора и поливает все вокруг, будто дождь.

² Марка сигаретной бумаги по названию компании-производителя.

Ко-Самуи

Зона отдыха

Путешествие от железнодорожного вокзала в Сураттхани до Ко-Самуи прошло как в тумане. Я смутно помню, как поднялся вслед за Этьеном и Франсуазой в автобус, следовавший в Донсак. Единственное воспоминание о паромной переправе – это как Этьен орал мне в ухо, перекрывая шум двигателей парома:

– Смотри, Ричард! – И показывал рукой в направлении горизонта. – Вон он, морской парк!

Вдалеке что-то голубело и зеленело. Я послушно кивнул. Куда важнее было найти место помягче на рюкзаке, чтобы использовать его в качестве подушки.

Мы добирались из порта Ко-Самуи до курорта Чавенг на большом открытом джипе «исудзу». Слева от дороги сквозь ряды кокосовых пальм мелькало голубое море, а справа тянулся покрытый джунглями крутой склон горы. За кабиной водителя сидели десять путешественников – между колен зажаты рюкзаки, на поворотах головы поворачиваются как по команде. Один прижимал к плечу бейсбольную битку, другой держал в руках камеру. В окружающей зелени мелькали коричневые лица.

– Дельта один-девять, – бормотал я, – это патруль «Альфа».

Джип оставил нас перед пляжными домиками, весьма приличными на первый взгляд, однако неписанный кодекс пешего туриста требовал, чтобы мы поискали место получше. Через полчаса утомительной ходьбы по горячему песку мы вернулись к домикам.

Отдельный душ, вентилятор около кровати, прекрасный ресторан с видом на море. Наши домики стояли в два ряда по сторонам дорожки, посыпанной гравием и обсаженной цветами.

– *Très beau*³, – сказала Франсуаза, счастливо вздохнув.

Я был с ней согласен.

Закрыв за собой дверь домика, я первым делом подошел к зеркалу в ванной и посмотрел на свое лицо. Я уже дня два не видел себя в зеркале и хотел удостовериться, что выгляжу нормально.

Результатом я был несколько ошеломлен – находясь среди загорелых людей, я почему-то решил, что тоже загорел, однако привидение, смотревшее на меня из зеркала, вносило поправки. Белизну моей кожи подчеркивала щетина такого же угольно-черного цвета, как и мои волосы. Но помимо потребности в ультрафиолетовых лучах мне было необходимо срочно принять душ. Моя футболка стала твердой, как панцирь, пропитавшись потом и высохнув на солнце, и снова пропитавшись потом и снова высохнув, и так далее. Поэтому я решил не откладывая пойти на пляж и искупаться. Так я убивал двух зайцев – мог и позагорать, и помыться...

Чавенг походил на фотографию из рекламного проспекта. Гамаки в тени изогнутых пальм, песок слепящей белизны, водные мотоциклы, оставляющие за собой белый след, похожий на тот, что оставляют в ясном небе реактивные самолеты. Я устремился навстречу прибою, отчасти потому, что песок обжигал, отчасти потому, что всегда вбегаю в воду. Когда вода начала мешать моему продвижению, я подпрыгнул и по инерции пролетел вперед. В воздухе я повернулся, упал на спину и погрузился на дно, выдыхая воздух. Я лег на воду и расслабился, чуть приподняв голову, чтобы дышать носом, и стал прислушиваться к звукам моря – мягким щелчкам и шелесту подводных течений.

Я плескался в воде уже минут пятнадцать, когда ко мне присоединился Этьен. Он тоже пробежал по песку и нырнул в воду, но затем с воплем вынырнул.

– Что случилось? – крикнул я.

Этьен потряс головой и устремился к берегу – прочь от того места, куда нырнул.

– Это животное! Это... рыба!

Я начал пробираться к нему:

– Что еще за рыба?

– Я не знаю, как она называется по-английски... Ай! Ай! Тут еще и другие! Ай! Они же могут жалить!

– Ах вот оно что, – сказал я, приблизившись к нему. – Медузы! Замечательно!

³ Очень красиво (фр.).

Я обрадовался, увидев плывущие в воде бледные создания, похожие на капельки серебристой нефти. Мне нравилась их явная необычность, они привлекали меня уже тем, что занимали странное положение между растительной и животной жизнью.

От одного паренька-филиппинца я узнал интересную вещь о медузах. Он был едва ли не единственным моим ровесником на острове, где я однажды жил, поэтому мы подружились. Мы провели вместе много счастливых недель, перекидываясь на пляже летающей тарелкой и купаясь в Южно-Китайском море. Он объяснил мне, что медуза не ужалит, если взять ее ладонью. Потом, правда, нужно как следует вымыть руки, потому что, если потрешь рукой глаза или почешешь спину, осевший яд проникнет под кожу и боль будет невыносимой. Мы проводили медузьи бои, бросая друг в друга желеобразные лепешки. В тихую погоду медузьи «снаряды» можно пускать по воде, подобно плоским камешкам, хотя, если швырнуть их слишком сильно, они «взорвутся». Он также рассказал мне, что медуз можно есть сырыми, как суши. Не вопрос. Конечно, их можно есть сырыми, если только вы готовы потом несколько дней стойко переносить рвоту и боли в животе.

Я посмотрел на медуз, окружавших нас. Они были похожи на филиппинских, поэтому я решил, что стоит рискнуть и подставить руки под яд. Авантюра оправдала себя. Когда я быстро вытащил дрожащий шарик из воды, глаза Этьена чуть не вылезли из орбит.

– *Mon Dieu!* – воскликнул он.

Я улыбнулся. Мне не верилось, что французы действительно говорят «*Mon Dieu*». Помоему, это все равно что ожидать от англичан слова «*что?*» в конце каждого предложения.

– Тебе не больно, Ричард?

– Ни капельки. Нужно знать, как ее правильно держать, вот и все. Это как с крапивой. Попробуй.

Я протянул ему медузу.

– Нет, я не хочу.

– Ничего не будет. Давай не бойся.

– Правда?

– Да-да. Сложи руки, как я.

Я стряхнул медузу в подставленные им руки.

– Ого, – промолвил он. На его лице проступила широкая ухмылка.

– Но ее можно касаться только ладонями. Если ты прикоснешься к ней другим участком кожи, она ужалит тебя.

– Только ладонями?... А почему?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Таковы правила.

– Может, кожа в этом месте толще?

– Может. – Я вытащил из воды еще одну медузу. – Странные они, правда? Сквозь них можно смотреть. И у них совсем нет мозгов.

Этьен энергично кивнул.

Некоторое время мы молча разглядывали наших медуз, а затем я заметил Франсуазу. Она шла по пляжу, направляясь к воде, – в белом купальнике. Увидев нас, помахала рукой. Когда она подняла руку, купальник ее натянулся, и тень от полуденного солнца обозначила груди, впадинку под ребрами и мышцы живота.

Я взглянул на Этьена. Он все еще рассматривал медузу, заставив ее выпустить щупальца из-под колокола, и она лежала на его ладони, как стеклянный цветок. Близость с Франсуазой, вероятно, притупила в Этьене способность восторгаться красотой девушки.

Когда она подошла к нам, наше занятие не произвело на нее впечатления.

– Терпеть их не могу, – бросила она. – Не хотите искупаться?

Я показал рукой на воду – мне по грудь. Франсуазе вода доходила до плеч.

– А мы что, не купаемся?

– Нет, – сказал Этьен, оторвавшись наконец от медузы. – Она имеет в виду заплыв. – Он махнул рукой в открытое море. – Вон туда.

Во время заплыва мы играли в такую вот игру. Примерно через каждые двадцать метров мы ныряли на дно и выныривали с горстью песка.

Мне такие игры не нравятся. На глубине одного метра тропическое море внезапно становится холодным, так что, болтая в воде ногами, можно было почувствовать границу между теплом и холодом. Когда ныряешь, сначала стынют кончики пальцев, а затем холод быстро распространяется по всему телу.

Чем больше мы удалялись от берега, тем чернее и мельче становился песок. Вскоре вода внизу сделалась слишком черной, чтобы в ней можно было что-нибудь разглядеть, и я лишь бил ногами и слепо шарил руками, пока мои пальцы не погружались в ил.

Холодная вода вселяла в меня страх. Я торопливо зачерпывал горсть песка и старался как можно быстрее оторваться от морского дна, хотя в легких оставалось еще полно воздуха. Дожидаясь на поверхности Этьена с Франсуазой, я поджимал под себя ноги, держась на воде только при помощи рук.

– Куда мы плывем? – поинтересовался я, когда люди, загорававшие на пляже, превратились в муравьев.

Этьен улыбнулся:

– Хочешь назад? Устал? Можно развернуться.

Франсуаза высунула руку из воды и разжала пальцы. Комок песка выскользнул из ее руки и погрузился в воду, оставив после себя расплывшееся серое пятно.

– Ты устал, Ричард? – спросила она, выгнув брови.

– Со мной все в порядке, – ответил я. – Поплыли дальше.

Как меня дурачили

К пяти вечера температура понизилась, небо почернело и пошел дождь. Внезапный и оглушающий. Тяжелые капли падали на пляж, образуя на песке все новые и новые воронки. Я сидел на невысоком крыльце домика и смотрел, как на песке появляется миниатюрное море Спокойствия. На крыльце своего дома, через дорожку, на миг появился Этьен и торопливо схватил сушившиеся на улице плавки. Он крикнул мне что-то, но его слова потонули в раскатах грома, после чего Этьен нырнул обратно в свой домик.

У меня на руке расположилась маленькая ящерица. Она была длиной около трех дюймов, с огромными глазами и просвечивающей кожей. Сначала ящерица минут десять сидела на моей пачке сигарет. Когда мне надоело наблюдать за тем, как она выбрасывает язык и ловит, будто арканом, мух, я протянул руку и взял ее. Вопреки моим ожиданиям она даже не попыталась убежать, а лишь устроилась поудобнее на новом месте. Удивленный ее отвагой, я позволил ящерице сидеть, где она сидела, несмотря на то что руку приходилось держать в неестественном положении, ладонью вверх, отчего вскоре мышцы в районе локтя заныли.

Мое внимание отвлекли двое бежавших по пляжу парней. Они приближались, их вопли слышались все отчетливее. Когда они поравнялись с моим домиком, то свернули с пляжа и в один прыжок оказались на соседнем крыльце.

– Ну и ну! – крикнул один, светлый блондин с козлиной бородкой.

– Вот это гроза! – откликнулся другой, чисто выбритый золотистый блондин. – Клево!

– Американцы, – шепнул я ящерице.

Они постояли у своей двери, потом выбежали обратно под дождь и устремились к пляжному ресторану, прыгая из стороны в сторону, пытаясь увернуться от дождевых струй. Через

минуту-другую они вернулись и снова бросились к своей двери. И тут светлый блондин, по-видимому, впервые заметил меня.

– Проклятые, ключ потеряли! – объяснил он, а потом ткнул большим пальцем в сторону ресторана. – И они тоже! Не можем попасть внутрь.

– И мокнем, – добавил золотистый блондин. – Мокнем под дождем.

Я понимающе кивнул:

– Не повезло. Где же вы потеряли его?

Светлый блондин пожал плечами:

– Где-то на этом чертовом пляже, дружище! За много-много миль отсюда! – Он подошел к деревянным перилам, разделявшим два наших крыльца, и заглянул ко мне. – Что это у тебя? – спросил он.

Я поднял ящерицу повыше.

– Ой! Она что, дохлая?

– Нет.

– Великолепно! Можно, я перелезу к тебе? Соседи все-таки, познакомимся.

– Валяй.

– У меня косяк есть, покурим?

– Покурим.

– Отлично!

Оба парня перемахнули через перила и представились. Светлого блондина звали Сэмми, а золотистого – Зеф.

– Зеф – странное имечко, а? – спросил меня Зеф, пожимая мою левую руку, чтобы не потревожить ящерицу. – Знаешь, от какого имени это сокращение?

– От Зефана, – уверенно ответил я.

– А вот и нет, чувак. Оно вообще никакое не сокращение. Меня назвали Зеф, а все думают, что это от Зефана. Круто, да?

– Точно.

Сэмми начал сворачивать косяк, вытащив из водонепроницаемого полиэтиленового пакетика, лежавшего у него в кармане, бумагу и травку.

– Ты англичанин? – спросил он, разглаживая «ризлу» пальцами. – Англичане всегда кладут в косяки табак. Как видишь, мы этого не делаем. Много куришь?

– Боюсь, что да, – ответил я.

– А я нет. Вот если бы я клал в косяки табак, то тоже привык бы. А траву я курю весь день напролет, как в той песне. Как там поется, Зеф?

Зеф запел: «Не зажимай косяк, приятель», но Сэмми оборвал его:

– Не эта. Другая.

– Какая? «Два косяка утром ранним»? Эта?

– Да.

Зеф прокашлялся.

– Ну, в ней такие слова: «Два косячка утром ранним, два косячка перед сном, два косячка жарким днем, и жизнь моя... пом-пом-пом...» Потом: «В мирное время два косячка, два – военной порой, два косячка, потом еще два...» – и все такое, что-то опять с утра. Дальше я не помню. – Он потряс головой.

– Это не важно, дружище, – сказал Сэмми. – Дошло, Рикардо? Я много курю.

– Похоже на то.

– Вот так.

Пока Зеф пел, Сэмми скрутил косяк, зажег его и протянул мне.

– Я знаю еще одну вещь о сумасшедших англичанах, – прошипел он, выпуская дым изо рта небольшими порциями. – Вы целую вечность не можете оторваться от косяка. Мы, американцы, делаем одну-две затяжки и передаем его дальше.

– Это правда, – согласился я, затягиваясь.

Я собрался было извиниться за плохие манеры своих соотечественников, но неожиданно закашлялся.

– Рикстер! – по-отечески сказал Зеф, похлопав меня по спине. – Да тебе нужно лечиться.

Через секунду-другую над морем сверкнула ослепительная молния. Сэмми сказал полным благоговения голосом:

– В высшей степени великолепно, дружище!

Зеф быстро подхватил:

– Ну, просто чудесно, *compadre*!

Я уже открыл было рот, но тут меня охватили сомнения.

– Великолепно, дружище... – задумчиво пробормотал я.

– Великолепно, – повторил Сэмми.

Я застонал.

– Что такое, Рикардо?

– Ребята, вы надо мной глумитесь.

Сэмми и Зеф переглянулись, а потом посмотрели на меня:

– Глумимся? Над тобой?

– Вы морочите мне голову.

Сэмми нахмурился:

– Выражайся по-английски, дружище.

– Это все... штучки в духе Кеану Ривза, как в фильме «Необычайное приключение Билла и Теда». Вы просто прикалываетесь. Ведь обычно вы говорите по-другому, правда?

Последовало непродолжительное молчание, а затем Зеф выдавил:

– Нас раскусили, Сэмми.

– Да, – отозвался тот. – Перебор.

Они оказались студентами Гарварда. Сэмми изучал право, а Зеф – афроамериканскую литературу. Их неподражаемая игра была формой протеста против высокомерия европейцев, с которыми они постоянно сталкивались в Азии.

– Это протест против стереотипов, – объяснил Зеф, пытаясь пальцами расчесать свою спутанную золотистую гриву. – Европейцы думают, что все американцы тупые, поэтому мы и ведем себя глупо, чтобы подтвердить их мнение. А потом мы превращаемся в умников и тем самым опровергаем предрассудок эффективнее, чем если бы демонстрировали свой интеллект с самого начала, что обычно вызывает лишь смущение, сменяющееся в конце концов возмущением.

– Правда? – сказал я, все еще находясь под сильным впечатлением от разыгранного спектакля. – Круто придумано.

Зеф рассмеялся:

– Ерунда. Это так, шутка.

Они продемонстрировали и другие свои любимые приколы. Зеф обожал изображать спасателя Малибу, а Сэмми выступал в роли друга ниггеров. Уже одно название говорило о том, что этот образ порискованнее, чем спасатель Малибу.

– Однажды мне здорово двинули между глаз, когда я так прикалывался, – рассказывал Сэмми, скручивая новый косяк. – Аж на спину брякнулся.

Меня это не удивило. Прикол был таков: Сэмми начинал грузить совершенно незнакомых людей, настаивая на том, что раз в Африке есть страна под названием Нигер, то все люди из Нигера называются ниггерами – не важно, белые они или черные.

– А разве не нигерийцами их называют? – спросил я несколько резко, хотя прекрасно понимал, что это прикол.

Сэмми отрицательно покачал головой:

– Все так говорят, но у меня другое мнение. Ну, сам подумай, Нигерия находится к югу от Нигера. Они граничат, и, если бы нигерийцами называли жителей обеих стран, это привело бы к полному хаосу.

– У меня все же большие сомнения, что их называют ниггерами.

– Я тоже сомневаюсь в этом. Просто высказываю личную точку зрения... Черт его знает какую, но... – Он затыкнулся и передал косяк мне. – Так учил меня дед. Он был полковником морской пехоты. «Сэмми, – говорил он, – цель всегда оправдывает средства». И знаешь что, Ричард? Он был прав.

Я было собрался возразить Сэмми, но понял, что он опять глумится. И тогда я подыграл ему:

– Нельзя сделать омлет, не разбив яиц.

Сэмми улыбнулся и посмотрел на море.

– Вот так молодец, – посылалось мне. Я подумал, что это сказал Сэмми.

Молния осветила растущие на пляже пальмы, и в ее свете они сделались похожими на когти на тонких лапах. Испугавшись вспышки, ящерица поспешно соскользнула с моей руки.

– Хорош малыш, – снова раздался голос.

– А? Что? – нахмурился я.

Сэмми обернулся ко мне, улыбаясь:

– О чем ты?

– Разве ты сейчас ничего не говорил?

– Ничего.

Я взглянул на Зефа.

– А ты не слышал, что он сейчас сказал?

Зеф только пожал плечами:

– Я на молнию смотрел.

– А, понятно.

Ганжа в действии, решил я.

Наступила ночь. Но дождь все лил не переставая. Этьен и Франсуаза сидели в своем домике, а Зеф, Сэмми и я торчали на крыльце, пока не одурели от наркотиков настолько, что у нас уже не было сил разговаривать. Мы лишь отпускали странные комментарии, когда раздавался особо сильный удар грома.

Примерно через час или два после наступления темноты к нашему крыльцу подошла работавшая в гостинице маленькая женщина-тайландка – ее почти полностью скрывал под собой гигантский пляжный зонт. Взглянув на наш наркоманский инвентарь, она слабо улыбнулась и протянула Зефу запасной ключ от их с Сэмми дома. Я воспользовался моментом, чтобы отправиться спать. Когда я пожелал им спокойной ночи, Сэмми прохрипел в ответ:

– Эй, мы были рады с тобой познакомиться. Увидимся завтра, чувак.

Вроде он сказал это без обычной своей иронии. Я не мог понять, то ли он продолжал прикалываться, то ли трава вышибла из него весь гарвардский интеллект. Выяснить уже не было сил, поэтому я ограничился лишь тем, что сказал «конечно» и закрыл за собой дверь.

Часа в три я на некоторое время проснулся: во рту у меня пересохло, я по-прежнему балдел. Я прислушался к тому, что происходило вокруг. До меня доносились стрекот цикад и шум набегавших на пляж волн. Гроза закончилась.

Становится тесно

На следующее утро небо еще было затянуто облаками. Когда я вышел на крыльцо, усеянное намокшими от дождя окурками, у меня возникло странное ощущение. Мне показалось, что я нахожусь дома, в Англии. Воздух был немного прохладный, я чувствовал запах мокрой земли и листьев. Протирая глаза от сна, я направился по холодному песку к дому Этьена и Франсуазы. Я постучал, но никто не отозвался, поэтому я пошел поискать их в ресторане; оказалось, что они уже завтракают. Я заказал салат из манго, решив, что экзотический вкус, возможно, заглушит ощущение, что я в Англии, и сел рядом с ними.

– С кем это ты познакомился вчера вечером? – спросил меня Этьен, когда я пододвинул стул к столу. – Мы видели, как ты с кем-то разговаривал на крыльце.

– Мы наблюдали за тобой из окна, – добавила Франсуаза.

Я вытащил сигарету, чтобы убить время, пока принесут завтрак.

– Я познакомился с двумя американцами – Зефом и Сэмми.

Франсуаза кивнула:

– Ты рассказал им о нашем пляже?

– Нет, – ответил я, зажигая сигарету. – Нет.

– Ты не должен никому рассказывать о нашем пляже.

– Да я им ничего и не говорил.

– Это секрет.

Я с шумом выдохнул дым.

– Вот поэтому я ничего им не сказал, Франсуаза.

В разговор вмешался Этьен:

– Она боялась, что ты мог... – Фраза осталась незавершенной, а сам он нервно улыбнулся.

– Да мне это и в голову не приходило, – раздраженно ответил я и с силой потушил сигарету. На вкус она была как дерьмо.

Когда принесли салат, я попытался расслабиться. Я рассказал своим спутникам, как американцы надо мной вчера прикалывались. Франсуаза нашла эту историю очень смешной. Ее смех отчасти разрядил напряжение, и мы принялись строить планы на грядущий день.

Мы решили, что нам нужно нанять лодку. Обычные турагентства не подходили, потому что они чересчур организованны и вряд ли нам удалось бы ускользнуть от них. Нет, надо было найти рыбака, который не знает о запрете на посещение парка туристами или которому на это наплевать.

После завтрака мы разделились, чтобы повысить шансы на успех предприятия. Я пошел на север, по направлению к Ко-Матлангу, а Этьен с Франсуазой двинулись на юг, в маленький городок, который мы проезжали на джипе. Мы договорились встретиться через три часа возле наших домиков.

Когда я шел по Чавенгу, солнце выглянуло из-за облаков, но настроение мое не улучшилось. Вокруг моей головы жужжали привлеченные запахом пота мухи, и прогулка все более осложнялась, потому что после ночного дождя песок уже успел высохнуть.

Я начал считать попадавшие на пути прибрежные гостиницы. Через двадцать минут я насчитал их уже семнадцать, и не было никаких признаков, что дальше они станут попадаться

реже. По крайней мере, количество «рэйбанов»⁴ и бетонных патио возле пальм только увеличилось.

Как-то в 1984 году я сидел в гостиной, играя на своем «Атари» и слушая рассказ проходящей няни-студентки о Ко-Самуи. Пока я очищал экран компьютера от космических пришельцев, названия прочно засели в моей голове.

Паттая была обычной дырой. В Чиангмае было дождливо и холодно. На Ко-Самуи было жарко, и остров был прекрасен. Здесь она прожила со своим другом пять месяцев, болтаясь по пляжу и делая странные вещи, о которых она как бы нехотя и в то же время с удовольствием рассказывала.

После выпускных экзаменов нас с друзьями разбросало по всему земному шару. В августе мы начали потихоньку собираться, и я узнал, что рай моей няни стал уже вчерашним днем. Теперь новой тайландской Меккой был расположенный по соседству остров Ко-Пханган. Через несколько лет, когда я оформлял паспорт, намереваясь вылететь в Бангкок, мне позвонила одна моя подруга и дала совет.

– Не забивай себе голову Ко-Пханганом, Рич, – сказала она. – Хатрин давно уже не тот. Теперь там продают билеты на праздник полнолуния. Ко-Тао. Вот куда стоит поехать.

Через час я уже потерял всякую надежду найти какого-нибудь рыбака. Мне попадались только тайландцы, торговавшие бижутерией и бейсболками. Я вернулся в Чавенг уставший, обгоревший и злой. Я пошел прямо в ресторан и купил пачку сигарет. И задымил под сенью пальмы, поглядывая, не идут ли Этьен с Франсуазой. Оставалось только надеяться, что им повезет больше.

Как в кино

Самые убедительные трансвеститы – тайландцы, да и вообще все жители Юго-Восточной Азии. Секрет их успеха – хрупкое телосложение и гладкие лица.

Сидя под пальмой, я увидел совершенно удивительного трансвестита. Его силиконовые груди были безупречной формы, а за такие бедра можно было расстаться с жизнью. Его пол выдавало только платье из золотистого ламе. Слишком кричащее... Тайская девушка не стала бы гулять в таком по Чавенгу. Под мышкой он держал доску для триктрака. Поравнявшись со мной, он спросил, не хочу ли я сыграть с ним.

– Нет, спасибо, – ответил я с нервной поспешностью.

– Почему? – поинтересовался он. – Наверное, ты бояться, что я выиграю?

Я кивнул.

– О'кей. Может быть, ты хочешь поиграть в постели? – Он потянул за платье в месте длинного разреза, открывая потрясающие ноги. – Может, в кровати я дать тебе выиграть...

– Нет, спасибо, – снова повторил я, слегка покраснев.

Он пожал плечами и пошел дальше по пляжу. Через два-три домика кто-то клянул на его предложение поиграть в триктрак. Меня одолевало любопытство, кто именно, но этого я не смог разглядеть из-за ствола склонившейся к земле кокосовой пальмы. Несколько минут спустя я снова посмотрел в ту сторону, но тайландец уже исчез. Я понял, что он нашел себе партнера.

Вскоре появился сияющий Этьен.

– Эй, Ричард, – обратился он ко мне, – ты видел проходившую здесь девушку?

– В платье из ламе?

– Да! Боже мой! Какая же она красивая!

⁴ RayBan – фирма – производитель солнечных очков.

– Ага.

– Вот что, Ричард, пошли-ка в ресторан. – Он протянул руку и помог мне подняться. – По-моему, у нас теперь есть лодка, на которой мы доберемся до морского парка.

Хозяин лодки был тайским вариантом гангстера. Однако вместо крысиной мордочки, тонких усиков и яркого костюма мы увидели маленького толстячка в выцветших джинсах, заправленных в гигантские кроссовки «Рибок».

– Эта можно будет устроить, – произнес он фразу из международного жаргона предпринимателей. – Конечно да. – Он ухмыльнулся и широко развел руками. Во рту у него сверкнули золотые зубы. – Никакой трудность для меня сделать эта.

Этьен кивнул. Сделку заключал он, и для меня это было очень кстати. Вести финансовые операции в бедных странах – это не по мне. Меня раздражает на части сознание того, что не следует торговаться с нищими, и ненависть к вымогателям.

– Дела том, мои друзь, что ваша путеводить неправильный. Вы можете остаться на Ко-Пхелонге одна ночь, две ночь – о'кей. Но этот остров вы можете остаться только одна ночь. – Он взял книжку Этьена и ткнул своим пухлым пальцем в остров рядом с Ко-Пхелонгом.

Этьен посмотрел на меня и подмигнул. Насколько я помнил лежавшую в домике карту мистера Дака, нужный нам остров находился по соседству с *этим*.

– О'кей, – сказал Этьен, заговорщически понизив голос, несмотря на то что вокруг не было ни души. – Именно этот остров мы думаем посетить. Но мы хотим остаться там дольше чем на одну ночь. Это возможно?

Подозрительный толстяк украдкой глянул через плечо на пустые столики.

– Хорошо, – прошептал он, подавшись к нам. Потом снова огляделся. – Но это больше деньги, вы понимать.

В конце концов мы сговорились на 1450 батах – Этьену удалось сбить первоначально запрошенную сумму в 2000 батов. Мы условились, что встретимся с толстяком завтра в шесть в ресторане и он отведет нас к своей лодке. Этьен предусмотрительно настоял на том, что только тогда мы и отдадим ему деньги. Через три ночи он должен был вернуться, чтобы забрать нас, – таков был наш план на случай, если мы там застрянем.

После этого оставались лишь две-три мелкие проблемы.

Если мы все-таки доберемся до острова, на котором находится пляж, то толстяк не обнаружит нас, когда приедет обратно. Во избежание осложнений Этьен выдумал историю о том, будто бы мы должны встретиться там с нашими друзьями и поэтому, возможно, вернемся раньше, все вместе. Никаких поводов для беспокойства.

Другая трудность заключалась вот в чем: как попасть на остров с пляжем с соседнего острова, на который доставит нас перевозчик? Можно было бы попросить толстяка сразу отвезти нас на место, но, не зная точно, с чем мы столкнемся на пляже, мы не хотели добираться туда на моторке. И вообще, поскольку остров с пляжем закрыт для туристов, мы решили, что лучше будет выбрать для старта остров, на котором туристам разрешено находиться (пусть всего одну ночь).

Этьен и Франсуаза, казалось, были обеспокоены этой проблемой куда меньше, чем я. Они предложили простое решение – добраться туда вплавь. Изучив карту мистера Дака и карту в своем путеводителе, они пришли к выводу, что острова расположены примерно в километре друг от друга. По мнению Этьена и Франсуазы, это было приемлемое расстояние. Я же сомневался, вспоминая нашу вчерашнюю игру в воде с нырянием. Пока мы плыли, течение снесло нас намного ниже пляжа в Чавенге. Если, когда мы поплывем к острову, случится то же самое, расстояние, которое нам предстоит преодолеть, фактически удвоится, ведь нам придется постоянно корректировать свой маршрут.

И последняя проблема – что делать с вещами? Этьен с Франсуазой и здесь нашли выход. Видимо, они многое обдумали этой ночью, пока я курил. Мы сидели на мелководье, набегавшие волны приносили песок к нашим ногам, и мои спутники выложили мне свой план.

– Ричард, рюкзаки – это ерунда, – сказала Франсуаза. – Может быть, они даже помогут нам плыть.

Я вскинул брови от удивления:

– Как это?

– Нам нужно несколько полиэтиленовых пакетов, – пояснил Этьен. – Мы их завяжем покрепче, чтобы туда не смогла попасть вода. И... они будут держаться на плаву. С воздухом внутри.

– Ты думаешь, получится?

Этьен пожал плечами:

– Думаю, да. Я видел это по телевизору.

– По телевизору?

– В сериале «Команда „А“».

– «Команда „А“»? Замечательно. Тогда все будет в порядке.

Я лег обратно в воду и положил голову на руки, упершись локтями в дно.

– По-моему, тебе крупно повезло, Ричард, что ты познакомился с нами, – засмеялся Этьен. – Без нас ты вряд ли смог бы добраться до пляжа.

– Ага, – добавила Франсуаза. – Но нам тоже повезло, что мы встретились с ним.

– Ну конечно. Без твоей карты, Ричард, мы бы не смогли найти пляж.

Франсуаза нахмурилась, а затем улыбнулась мне:

– Этьен! Нам в любом случае повезло, что мы с ним познакомились.

Я улыбнулся в ответ, отметив про себя, что плохое настроение, которое было у меня утром, безвозвратно исчезло.

– Нам всем повезло, – сказал я радостно.

– Да, – кивнул Этьен.

Несколько минут мы молчали, прямо-таки наслаждаясь своим счастьем. Наконец я встал и хлопнул в ладоши.

– Ну хорошо. А почему бы нам теперь не совершить дальний заплыв? Это была бы неплохая тренировка.

– Замечательная идея, Ричард, – отозвался Этьен, тоже вставая. – Пошли, Франсуаза.

Она помотала головой и надула губы:

– Я, пожалуй, останусь здесь позагорать. Отсюда я буду наблюдать за двумя сильными мужчинами. Поглядим, кто из вас заплывет дальше.

Меня охватили сомнения. Я взглянул на нее, пытаюсь определить, действительно ли в ее словах кроется особый смысл. Она смотрела на направлявшегося к воде Этьена, ничем не выдавая себя.

Увы, подумал я, это всего лишь мои фантазии.

И все же я не знал, что думать. Когда я вошел в воду вслед за Этьеном, то никак не мог избавиться от мысли, что сейчас глаза Франсуазы устремлены на меня. Перед тем как вода стала достаточно глубокой, чтобы можно было плыть, мне захотелось убедиться, что это действительно так, и я оглянулся. Франсуаза выбралась подальше на сухой песок и теперь ложилась на живот – головой от воды.

Значит, все-таки фантазии...

Эдем

Закат был великолепен. Красное небо мягко переходило в темную синеву, где уже сияли несколько ярких звезд. Пляж был полон гибких теней, которые отбрасывали в оранжевом свете возвращавшиеся в свои дома люди.

Я накурился. Я дремал на берегу с Франсуазой и Этьеном, отходя после нашего с ним героического заплыва, когда появились Сэмми и Зеф, который нес унцию завернутой в газету травы. Они провели весь день в Ламае в поисках пропавшего ключа и нашли его висящим на воткнутой в песок деревяшке. Чтобы отпраздновать это событие, они купили травки.

– Кто-то повесил ключ туда, зная, что мы придем его искать, – сказал Зеф, подсаживаясь к нам. – Неплохо придумано, а?

– Наверное, это была не очень умная мысль, – ответила Франсуаза. – Кто-нибудь мог взять ваш ключ и ограбить вас.

– Вообще-то, да. – Зеф взглянул на Франсуазу, по всей вероятности впервые заметив ее, и слегка тряхнул головой. Возможно, он старался отогнать только что появившееся у него в мозгу видение. – Нет, ты определенно права.

По мере того как трава начинала действовать, солнце быстро спускалось к горизонту. Теперь мы все сидели и сосредоточенно наблюдали игру красок на небе, как будто смотрели телевизор.

– Эй! – громко сказал Сэмми, возвращая нас из грез к действительности. – А замечали кто-нибудь из вас, что если смотреть на небо, то в облаках можно разглядеть очертания животных и даже лица?

Этьен огляделся вокруг.

– Это ты нам? – переспросил он.

– Ну да, – продолжил Сэмми. – Удивительно. Смотрите, прямо над нами плывет маленькая утка, а вот это облако похоже на человека с большим носом.

– Вообще-то, я воображал себе подобные штуки, когда был еще совсем маленьким.

– Маленьким?

– Да. Конечно.

Сэмми присвистнул.

– Черт возьми! А я вот только теперь это заметил. Видишь ли, тут дело в моей родине.

– Правда? – удивился Этьен.

– Понимаешь, я вырос в Айдахо.

– А, – кивнул Этьен и смутился. – Айдахо. Да-да, конечно. Я слышал об Айдахо, но...

– Ты слышал об Айдахо? Там никогда не бывает облаков.

– Никогда не бывает облаков?

– Да, в Чикаго очень ветренная погода, а Айдахо – безоблачный штат. Это как-то связано с атмосферным давлением, я плохо в этом разбираюсь.

– Там что, совсем не бывает облаков?

– Совсем. – Сэмми выпрямился, сидя на песке. – Помню, как в первый раз увидел облако... Это случилось летом семьдесят девятого в окрестностях Нью-Йорка. Я увидел эту громадную пушистую штуку в небе и протянул руку, чтобы схватить ее... но она была слишком высоко. – Сэмми печально улыбнулся. – Я повернулся к маме и спросил ее: «Мамочка, почему у меня нет такой сахарной ваты? Ну почему?» – Голос Сэмми стал прерывистым, и он отвернулся. – Извините. Всего лишь глупое воспоминание.

Зеф наклонился к нему и похлопал его по спине.

– Эй, – сказал он достаточно громко, чтобы мы его услышали. – Все в порядке. Выговорись. Мы же все тут твои друзья.

– Да, – поддержал Этьен. – Мы ничего не имеем против. У каждого есть какое-то печальное воспоминание.

Сэмми быстро обернулся. Все его лицо сморщилось.

– А у тебя, Этьен?.. У тебя тоже есть какое-то печальное воспоминание?

– Да. У меня в детстве был маленький красный велосипед, но его украли.

Сэмми помрачнел.

– Похитители велосипедов? Они украли твой маленький красный велосипед?

– Да. Мне было тогда семь лет.

– Семь! – вскрикнул Сэмми и сильно ударил по земле кулаком, обсыпав всех песком. – Господи Иисусе! С ума можно сойти!

Наступило неловкое молчание. Сэмми вытащил «ризлу» и начал судорожно скручивать косяк, а Зеф сменил тему разговора.

Эта вспышка была, скорее всего, тонким ходом. Ответ Этьена настолько умилял, что было бы жестоко открывать парню карты. У Сэмми оставался единственный выход – положить розыгрышу конец. Насколько я знаю, Этьен до конца жизни был уверен, что в Айдахо не бывает облаков.

Когда мы выкурили этот косяк, солнце уже почти исчезло за горизонтом. Над морем мерцала лишь еле заметная желтая дуга. Подул легкий ветер, погнавший по песку обрывки «ризлы». Он принес запахи еды из ресторана – лимонной травы и жареных моллюсков.

– Я хочу есть, – сказал я.

– Хорошо пахнет, правда? – спросил Зеф. – Я бы легко управился сейчас с большой тарелкой лапши с курятиной.

– Или лапши с собачатиной, – добавил Сэмми. Он повернулся к Франсуазе. – Мы ели лапшу с собачатиной в Чиангмае. По вкусу похоже на курицу. Собаки, ящерицы, лягушки, змеи – все они по вкусу похожи на курицу.

– А как насчет крыс? – поинтересовался я.

– А-а, и крысы тоже. Этих вообще не отличишь от курицы.

Зеф зачерпнул рукой горсть песка и начал просеивать его между пальцами, выводя узоры на полоске, ограниченной его расставленными ступнями. Затем он кашлянул, как будто стоял на трибуне и хотел привлечь к себе внимание.

– Эй, – обратился он к нам, – а вы слышали о жареной крысе по-кентуккийски?

Я нахмурился. Это было похоже на новый розыгрыш. Я подумал, что если Этьен опять поведется, то я заплачу. У меня перед глазами все еще стояло его лицо, когда он рассказывал о своем красном велосипеде.

– Нет. А что это такое? – осторожно спросил я.

– Одна очень известная история.

– Городская легенда, – добавил Сэмми. – У кого-то в горле застряла косточка. А потом оказалось, что это была крысиная косточка.

– Да. Это случилось с двоюродным братом тетушки одного моего друга. Такое не случается с человеком, с которым разговариваешь.

– А, – сказал я. – Ясно.

– Сейчас эта басня очень популярна. Но есть еще одна история. Хотите послушать?

Я кивнул.

– Про пляж. Про изумительный пляж, затерявшийся где-то – никто точно не знает где.

Я отвернулся. У самой воды мальчик-тайландец играл с кокосовой скорлупой, подбирая ее в воздух коленями и боковыми сторонами ступней. Он сделал неловкий удар, и скорлупа упала в воду. Несколько секунд он стоял – наверное, раздумывал, стоит ли окунаться ради того, чтобы достать скорлупу. Потом побежал по песку к гостинице.

– Правда? – обратился я к Зефу. – Никогда не слышал. И что этот пляж?

– Лучше будет так, – сказал Зеф. – Я нарисую вам картину. – Он снова улегся на песок. – Закройте глаза и представьте себе лагуну, которую не видно со стороны моря и с проплывающих мимо лодок благодаря изогнутой гряде высоких скал. Потом вообразите пляж с белым песком и коралловые рифы, которые никогда не страдали от взрывов динамита или рыболовных сетей. На острове, покрытом джунглями (не тайландскими лесами, а именно джунглями), множество водопадов с пресной водой. Трехъярусные шатры из листвы, тысячелетиями нетронутые растения, птицы с причудливым оперением и резвящиеся на деревьях обезьяны. Община избранных путешественников целыми месяцами живет на белых песках, ловит рыбу в коралловых рифах. Кто хочет, тот уезжает; кто хочет, возвращается обратно. Лишь пляж остается таким же, как и раньше.

– Община избранных? – тихо, как сквозь сон, переспросил я. Картина, нарисованная Зефом, полностью захватила меня.

– Да, избранных, – подтвердил он. – Молва молвой, но доходит она лишь до немногих счастливых.

– Это просто рай, – пробормотал Сэмми. – Эдем.

– Эдем, – согласился Зеф. – Очень подходящее название.

Франсуаза была совершенно обескуражена тем, что Сэмми и Зеф тоже знают о существовании пляжа. Она не могла бы вести себя более подозрительно, даже если бы специально старалась. Неожиданно она встала.

– Вот что, – начала она, стряхивая с ног песок. – Завтра рано утром мы отправляемся на этот... как его, на Ко-Пханган. Поэтому нам, пожалуй, пора ложиться спать. Этьен! Ричард! Пошли.

– Что? – удивился я, растерявшись из-за того, что образ пляжа в моем воображении неожиданно рассыпался. – Но, Франсуаза, еще только половина восьмого.

– Мы отправляемся рано утром, – повторила она.

– Но... Я еще не ел. Я буквально умираю от голода.

– Хорошо, пойдем поедим. Спокойной ночи, Сэмми, Зеф, – сказала она американцам, прежде чем я успел предложить им присоединиться. – Было очень приятно познакомиться с вами. Но этот ваш пляж... Такая глупая история! – Она весело рассмеялась.

Этьен сел прямо, глядя на нее так, будто она сошла с ума. Она не обратила внимания на его замешательство и двинулась по направлению к ресторану.

– Послушайте, – обратился я к Сэмми и Зефу. – Я думаю, что она... Если вы не против... давайте поужинаем вместе...

– Да, – вмешался Этьен. – Идемте с нами.

– Круто, – улынувшись, ответил Сэмми. – Но мы посидим на берегу еще немного. Желаю вам приятно провести время на Ко-Пхангане. Вы собираетесь вернуться в Чавенг?

Я кивнул.

– Хорошо, тогда еще встретимся. Мы пробудем здесь некоторое время. Минимум неделю.

Мы пожали друг другу руки, а потом вдвоем с Этьеном отправились вслед за Франсуазой.

Ужин прошел в тяжелом молчании, которое периодически прерывалось непродолжительными диалогами на французском. Франсуаза понимала, что поступила глупо. Когда мы желали друг другу спокойной ночи, она попыталась загладить свою оплошность.

– Не знаю, – объяснила она, – но вдруг я почему-то испугалась, что они захотят отправиться с нами. Зеф все так описывал... А я хочу, чтобы мы были только вдвоем... – Она нахму-

рилась, досадуя на неспособность выразить свои мысли. – Как вы считаете, они догадались, что мы знаем о пляже?

Я недоуменно пожал плечами:

– Трудно сказать. Все были реально под кайфом.

Этьен кивнул.

– Да, – сказал он и положил ей руку на плечо. – Все были под кайфом. Не стоит беспокоиться.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Не только из-за волнений по поводу завтрашнего дня, хотя и из-за этого тоже. Но в основном меня тревожило то, что я чересчур поспешно простился с Зефом и Сэмми. Мне нравилось их общество, и я понимал, что вряд ли найду их снова по возвращении на Ко-Самуи. Мы попрощались слишком быстро и неуклюже, одурманенные наркотиками и тайной. Я чувствовал, что не успел сказать им что-то очень важное.

Правильное решение

Я не могу назвать это сном. Встречи с мистером Даком совершенно не походили на сны. Они скорее напоминали какой-то боевик или выпуск новостей, снятый переносной телекамерой.

Мистер Дак бежит ко мне через лужайку перед посольством. На запястьях его по-прежнему видны свежие раны, из которых, когда он сгибает руки, хлещет кровь. Меня пошатывает от шума беснующейся толпы и вертолетов. Я наблюдаю за снегопадом из искромсанных в измельчителе документов. Бумажные снежинки, кружась под влиянием обратной тяги от лопастей винтов, опускаются на подкрашенную траву.

– Опоздал родиться лет на двадцать, а? – орет мистер Дак, нанося удар кулаком мимо меня и делая в воздухе «колесо». – Плюнь на это! – Хлещущая из ран кровь при кувырке повисает на короткое время в воздухе, подобно следу от фейерверка. – Посмотри туда!

Я послушно смотрю в указанном направлении. С крыши взлетает что-то похожее на насекомое. Люди цепляются за его лапки-шасси. Под тяжестью груза оно резко теряет высоту и срезает крону растущего возле посольства дерева.

Я кричу от охватившего меня возбуждения.

– Вот это мальчик! – орет мистер Дак, ероша мне волосы мокрой рукой, отчего намокает воротник моей рубашки. – Хорош малыш!

– Мы будем эвакуироваться с крыши посольства?! – ору я ему в ответ. – Я всегда мечтал об этом!

– Эвакуироваться с крыши посольства?

– Будем или нет?

– Конечно, – смеется он. – Черт побери, еще бы!

Отъезд

Я быстро рисовал, вспотев, несмотря на утреннюю прохладу. У меня не было времени рисовать карту так старательно, как мистер Дак. Острова – круги неправильной формы, изрезанная береговая линия Таиланда – несколько неровных штрихов. На карте остались лишь три названия – Ко-Самуи, Ко-Пхелонг и Эдем.

Внизу я написал: «Ждите нас в Чавенге три дня. Если не вернемся к этому времени, значит мы добрались до пляжа. Увидимся там? Ричард».

Я тихонько выбрался на улицу. В домике Этьена и Франсуазы уже горел свет. Дрожа от холода, я подкрался к соседнему крыльцу и подsunул карту под дверь Сэмми и Зефа. Потом поднял свой рюкзак, запер домик и пошел в ресторан дожидаться остальных.

Мальчик-таиландец, игравший вчера вечером с кокосовой скорлупой, подметал пол. Когда я вошел, он выглянул наружу – неужели столько времени? Но нет, было рано, как он и предполагал.

– Вы хотите банана блинчик? – осторожно спросил он.

Я отрицательно покачал головой:

– Нет, спасибо. Мне нужны два блока сигарет.

Приближаясь к цели

Мусор

Моторка толстяка до уровня ватерлинии была окрашена в белый цвет, а ниже – в желтый. Точнее говоря, днище было желтым, только когда нос лодки появлялся из воды, а сквозь воду оно казалось бледно-зеленым. Когда-то лодка, скорее всего, была красной. Белая краска кое-где вздулась или слезла, и в этих местах виднелись малиновые, похожие на порезы полосы. Порезы наряду с покачиваниями бортов и шумом двигателя создавали впечатление, будто лодка живая. Она знала, что я пытаюсь угадать направление ее движения, и всякий раз удивляла меня.

Рядом в бурлящей воде играли лучи утреннего солнца. У самой поверхности, не отставая от лодки, кружились золотистые тени. Стайка рыб? Я сунул руку в воду и поймал рыбку. Она начала извиваться у меня на ладони, трепеща над линией жизни. Я сложил пальцы в неплотно сжатый кулак. Рыбка скользнула в образовавшееся отверстие и теперь плыла в моих сомкнутых пальцах.

– Не смотри вниз, – посоветовала Франсуаза, свесившись с другого борта лодки. – Иначе тебя может стошнить. Взгляни лучше на остров. Он совсем не двигается.

Я посмотрел в указанном ею направлении. Странно: Ко-Самуи остался уже далеко позади, а остров, к которому мы направлялись, по-прежнему казался таким же далеким, как и час назад.

– Меня не укачивает, – ответил я и снова устался в воду.

Загипнотизированный золотой рыбкой, я не шевелился до тех пор, пока вода вдруг не стала голубой и я не увидел на дне неясные очертания кораллового рифа. Толстяк выключил мотор. Удивленный внезапной тишиной, я поднес руку к уху, подумав было, что оглох.

– Теперь платить, – бодро сказал толстяк.

Лодка медленно скользила к берегу.

Песок на острове был скорее серого, чем желтого цвета. Берег усеивали высохшие водоросли, сплетенные приливом в волнистый узор. Я присел на ствол упавшей кокосовой пальмы и смотрел вслед удалявшейся лодке. Вскоре она уже практически исчезла из виду: лишь время от времени на гребне высокой волны возникало маленькое белое пятнышко. А потом и оно пропало. Прошло минут пять, прежде чем я понял, что мы теперь абсолютно одни.

Этьен и Франсуаза расположились в нескольких метрах от меня, прислонившись к своим рюкзакам. Этьен изучал карты, пытаясь определить, к какому из соседних островов мы должны плыть. Он явно не нуждался в моей помощи, поэтому я крикнул ему, что хочу прогуляться по острову. Я никогда раньше не бывал на настоящем необитаемом острове – пустынном необитаемом острове, – и мне хотелось произвести разведку.

– Ты куда? – спросил он меня, оторвавшись от карты и прищурившись. Солнце светило ему в глаза.

– Хочу просто побродить вокруг. Скоро вернусь.

– Через полчаса?

– Через час.

– Хорошо, но мы должны отправляться сразу после обеда. Не стоит оставаться здесь на ночь.

В ответ я лишь помахал рукой, уже удаляясь прочь.

Я прошел вдоль берега примерно полмили в поисках места, откуда можно было бы начать продвижение вглубь острова. И наконец наткнулся на кустарник, образовавший подобие темного туннеля, который вел к лесу. В конце туннеля я разглядел зеленые листья и солнечный свет, поэтому я протиснулся в кусты и пополз вперед, смахивая с лица паутину. И вот я оказался на поляне, заросшей папоротником, доходившим мне до пояса. Надо мной в вышине виднелся клочок неба, пронзенный веткой, которая очень напоминала часовую стрелку. На противоположной стороне лужайки лес начинался снова, но мою исследовательскую страсть сдерживала боязнь заблудиться. С лужайки было труднее разглядеть туннель, так как его закрывала высокая трава и я мог ориентироваться лишь по шуму волн. В общем, я решил закончить свою символическую разведку. Пробравшись через заросли папоротника в середину лужайки, я сел на землю и закурил.

Мысли о Таиланде действуют мне на нервы, и пока я не начал писать эту книгу, я старательно гнал их прочь. Я предпочитал, чтобы они гнездились где-то в глубине моего сознания.

Иногда, правда, я думаю о Таиланде. Обычно это случается поздно ночью, когда долго не могу заснуть. Мои глаза различают в темноте узор занавесок и строй книг на полках, а я...

В такие минуты я пытаюсь вспомнить, как сидел на той поляне и курил, а на папоротниках лежала тень от ветки, похожей на часовую стрелку. Я цепляюсь за этот момент, поскольку точно могу сказать – именно тогда в последний раз я чувствовал себя самым собой. У меня все было в порядке, в моей голове не было никаких особых мыслей, кроме той, что остров прекрасен и здесь удивительная тишина.

Это не значит, что от всего прочего в Таиланде у меня остались плохие воспоминания. Были и приятные события. Множество приятных событий. Происходили также вещи самые привычные: я умывался по утрам, купался в море, готовил еду и так далее. В воспоминаниях, однако, все это заслоняется окружающей обстановкой. Иногда у меня возникает чувство, будто я пришел на лужайку и закурил, а потом вдруг возник кто-то другой – тот, который и докурив сигарету. Докурив, затушил ее, отшвырнул окурочек в кусты и пошел искать Этьена и Франсуазу. Это своего рода отговорка, ведь она тоже помогает мне отстраниться от того, что со мной случилось, но такое уж у меня ощущение.

Этот другой человек вел себя совсем не так, как я. У нас отличались не только моральные принципы, но и характеры. Взять хотя бы окурочек: в кусты его кинул тот, другой парень. Я бы сделал иначе: возможно, закопал бы его. Я не люблю сорить, не говоря уже о том, чтобы оставлять мусор в национальном морском парке.

Это трудно объяснить. Я не верю ни в колдовство, ни в сверхъестественные силы. Я знаю, что на самом деле именно я бросил окурочек в кусты.

Да и черт с ним.

Я надеялся, что разберусь во всех этих вещах, когда напишу о них, но мои надежды оказались напрасными.

Вернувшись на пляж, я застал Этьена сидящим на корточках перед небольшим туристическим примусом «Калор». Около него лежали три кучки пакетиков лапши «Магги» – желтая, коричневая и розовая.

– Замечательно, – сказал я. – Просто умираю от голода. Что у нас сегодня в меню?

– Выбирай: цыпленок, говядина или... – Он поднял розовый пакетик. – А это что такое?

– Креветки. Я, пожалуй, съем цыпленка.

Этьен улыбнулся:

– Я тоже. На десерт шоколад. У тебя есть шоколад?

– Конечно, что за вопрос. – Я расстегнул рюкзак и вытащил три плитки. Лежа сверху, они успели растаять, а затем снова застыть, повторив форму бутылки с водой, но фольга осталась целой.

– Обнаружил что-нибудь интересное? – спросил Этьен, вскрывая перочинным ножом один из желтых пакетиков.

– Да так, ничего особенного. Я в основном держался берега. – С этими словами я огляделся вокруг. – А где Франсуаза? Она что, не будет есть с нами?

– Она уже поела. – Он показал рукой в сторону пляжа. – Пошла прикинуть, сколько нам плыть до острова.

– Ты уже вычислил, какой остров нам нужен?

– Да. Но я не совсем уверен в своих расчетах. Карта в путеводителе сильно отличается от карты твоего друга.

– На какую же карту ты полагался?

– На карту твоего друга.

Я кивнул:

– Правильный выбор.

– Надеюсь, – ответил Этьен, ножиком вытаскивая лапшу из кипящей воды. Лапша повисла на лезвии. – Отлично. Теперь можно и поесть.

Смерть в Таиланде

Франсуаза решила, что до острова плыть не более километра, а Этьен считал, что два. Я не умею определять расстояние на воде, но сказал, что, по-моему, это полтора километра. Как бы там ни было, нам предстояло долгое плавание.

Остров, к которому мы собирались плыть, был широким. На обоих его концах вздымались высокие пики. Их соединяла примерно вдвое меньшая по высоте горная цепь. Я решил, что эти пики когда-то были вулканами, расположенными достаточно близко друг к другу, так что в конце концов их связали истекавшие из них потоки лавы. Независимо от своего происхождения остров был раз в пять больше того острова, на котором мы сейчас находились. Там, где заканчивались деревья, виднелись скалы, на которые меня совершенно не тянуло взбираться.

– А мы точно сможем туда добраться? – спросил я, задавая вопрос скорее самому себе, чем кому-то еще.

– Точно, – ответила Франсуаза.

– Во всяком случае, попытаемся, – поправил ее Этьен и пошел за своим рюкзаком, который заблаговременно оснастил полиэтиленовыми мешками для мусора, купленными рано утром в ресторане.

«Команда „А“» – это сериал, который был очень популярным, когда мне было лет четырнадцать. Четверых ветеранов вьетнамской войны – Б. А. Барракуса, Фейсмена, Мердока и Ганнибала – обвинили в преступлении, которого они на самом деле не совершали. И они тогда стали вольными наемниками, начали расправляться с плохими ребятами, до которых не мог добраться закон.

Так вот, «Команда „А“» подвела нас. На мгновение показалось, что конструкция Этьена поплывет. Она погрузилась в воду, но не утонула: верхняя четверть рюкзака торчала из воды, будто айсберг. Вскоре, однако, мешки лопнули, и рюкзак камнем пошел ко дну. Три последующие попытки также закончились провалом.

– Ничего из этого не выйдет, – заметила Франсуаза, спустившая купальник до талии, чтобы загар был ровным, и намеренно на меня не смотревшая.

– Да, действительно, – согласился я. – Наши рюкзаки слишком тяжелые. Нужно было испытать эту штуку еще на Ко-Самуи.

– Верно, – вздохнул Этьен. – Надо было...

Мы стояли в воде, молча размышляя над создавшимся положением. Наконец Франсуаза сказала:

– О'кей. Давайте возьмем только по одному полиэтиленовому мешку. Берем лишь самое необходимое.

Я отрицательно замотал головой:

– Я против. Я свой рюкзак тут не брошу.

– И какой выход? Сдаться?

– Ну...

– Нам нужен запас еды и немного одежды – только на три дня. Если мы не найдем пляж, то приплывем обратно и подождем возвращения лодки.

– Паспорта, билеты, дорожные чеки, наличные, таблетки от малярии...

– Здесь нет малярии, – сказал Этьен.

– Нам не нужен паспорт, чтобы добраться до острова, – добавила Франсуаза. Она улыбнулась и рассеянно провела рукой по груди. – Вперед, Ричард, мы ведь почти у цели.

Я нахмурился, не совсем понимая, что она имеет в виду, и стал мысленно перебирать возможные варианты.

– Мы слишком близко, чтобы останавливаться.

– А, – сказал я наконец. – Да. Согласен.

Мы спрятали рюкзаки под густым кустарником, росшим у одной весьма примечательной пальмы – с двумя стволами. Я положил в свой полиэтиленовый мешок таблетки «Пури-Тэбз», шоколад, запасные шорты, майку, кеды «Конверс», карту мистера Дака, бутылку воды и блок сигарет. Я хотел взять с собой оба блока, но для них не хватило места. Пришлось оставить и примус «Калор». Значит, придется питаться холодной лапшой – размоченной, чтобы она размягчилась. По крайней мере, голодная смерть нам не грозила. Еще я оставил таблетки от малярии.

Завязав мешки на столько узлов, на сколько позволял полиэтилен, а затем положив каждый в другой такой же мешок, мы снова проверили их на плавучесть. Без рюкзаков мешки плавали даже лучше, чем мы могли надеяться. За них можно было даже держаться, и чтобы плыть, достаточно было только работать ногами.

Без четверти четыре мы вошли в воду, полностью готовые к отплытию.

– Может, все-таки больше километра... – услышал я позади слова Франсуазы.

Этьен что-то сказал ей, но его ответ потонул в шуме набежавшей волны.

Наше плавание разделилось на несколько этапов. На первом этапе мы были полны уверенности, оживленно болтали, потому что нас переполняло возбуждение, и отпускали шуточки по поводу акул. Потом у нас заболели ноги и вода стала достаточно прохладной, чтобы охладить наш пыл. Мы замолчали. Так же как и при путешествии на лодке с Ко-Самуи, остров, откуда мы отплыли, остался далеко позади, но наша цель – остров впереди – нисколько не приблизилась. Шутки по поводу акул уступили место самому настоящему страху, и я начал сомневаться, что смогу доплыть до острова. Короче, просто засомневался. Мы находились почти на полпути между островами. Не доплыть до цели значило умереть.

Наверное, Этьен с Франсуазой тоже встревожились, но виду не подавали. Упоминание о страхе только осложнило бы ситуацию. В любом случае мы не могли облегчить свое положение. Мы сами все это затеяли, и у нас был единственный выход – выплываться самим.

А потом неожиданно стало легче. Хотя ноги по-прежнему болели, они стали работать в каком-то рефлекторном ритме, как сердце. Ритм помогал мне двигаться вперед и позволял забыть о боли. Кроме того, я был поглощен одной идеей. Я придумывал газетные заголовки, из которых люди узнают о моей судьбе. «Смертельный заплыв молодых путешественников. Европа скорбит». То, что нужно, точная, исчерпывающая информация. Писать собственный некролог оказалось труднее, принимая во внимание то, что за моими плечами не было никаких выдающихся свершений. Мои похороны стали, однако, приятным сюрпризом. Я составил несколько проникновенных речей, послушать которые пришло множество людей.

Затем я стал думать о том, как, вернувшись в Англию, попытаюсь сдать экзамены и получить водительские права, но вдруг увидел впереди прибитое к берегу дерево и понял, что мы уже почти у цели. Большую часть пути мы старались держаться вместе, однако на последних сотнях метров Этьен вырвался вперед. Доплыв до берега, он сделал «колесо» – буквально из последних сил, потому что после этого тут же рухнул на песок и лежал не шевелясь, пока я не присоединился к нему.

– Покажи мне карту, – попросил он меня, пытаясь сесть.

– Этьен, – тяжело дыша, сказал я и толкнул его вновь на песок. – На сегодня хватит. Ночуем тут.

– Но до пляжа, наверное, уже рукой подать. Может, нужно совсем немного отойти от берега.

– Довольно.

– Но...

– Тсс.

Я лег, уткнувшись лицом в мокрый песок. По мере того как из мышц уходила боль, мое прерывистое дыхание постепенно возвращалось в норму. У Этьена в волосах застрял пучок водорослей – зеленый, устрашающий.

– Что это? – недоуменно пробормотал Этьен, обессиленно дернув за него.

Из моря вышла Франсуаза. За собой она тащила свой мешок.

– Надеюсь, этот пляж существует, – пробормотала она, плюхнувшись возле нас. – Не уверена, что смогу доплыть обратно.

Я был слишком измотан, чтобы сказать, что целиком и полностью согласен с ней.

Всякая всячина

На потолке моей спальни сияет добрая сотня звезд. Здесь разместились полумесяцы, полные луны, планеты с кольцами, как у Сатурна, точные копии созвездий, метеоритные дожди и похожая на водоворот галактика с летающим блюдцем на хвосте. Их подарила мне одна моя подружка, которая никак не могла понять, почему я зачастую еще бодрствую после того, как она уже заснет. Она обнаружила это как-то ночью, когда проснулась и пошла в ванную. На следующий день она купила мне клеящиеся обои с яркими звездами.

Эти звезды – очень странная штука. Создается впечатление, что потолка вообще нет.

– Посмотри, – прошептала мне Франсуаза очень тихо, чтобы не разбудить Этьена. – Видишь?

Я посмотрел, куда она указывала, – мимо изящного запястья с непонятной татуировкой – на миллионы световых пятнышек.

– Нет, не вижу, – прошептал я. – Где?

– Вон там... Он движется. Видишь это яркое пятно?

– Ага.

– А теперь посмотри вниз, потом налево и...

– Нашел. Здорово...

Спутник, светивший отраженным светом Луны. Или Земли? Он быстро и плавно скользил между звездами. Сейчас его орбита проходила над Сиамским заливом, позже он, наверное, пройдет над Дакаром или Оксфордом.

Этьен заворочался и повернулся во сне на другой бок. Зашуршал мешок, который он положил себе под голову. В лесу позади нас коротко проверещала какая-то невидимая ночная птица.

– Эй, – приподнимаясь на локтях, прошептал я. – Хочешь, расскажу тебе одну смешную вещь?

– О чем?

– О бесконечности. Но это совсем не сложно. Я имею в виду, что не нужно иметь ученую степень.

Франсуаза взмахнула рукой. Сигарета в ее руке прочертила в воздухе красную линию.

– Это означает «да»? – шепотом спросил я.

– Да.

– Хорошо, – ответил я и тихо откашлялся. – Вселенная бесконечна, с этим, думаю, ты не будешь спорить, но, значит, тогда существует бесконечное число вариантов, как будут развиваться события, верно?

Она согласно кивнула и затагнулась красным угольком, мерцавшим у нее в пальцах.

– А раз существует бесконечное число вариантов развития событий, стало быть, любое событие в конце концов случится – не важно, насколько мала вероятность.

– А-а...

– То есть где-то там, в космосе, существует планета, на которой благодаря необычайному стечению обстоятельств происходит то же самое, что и у нас. Вплоть до мельчайших деталей.

– Неужели?

– Именно так. Но есть еще одна планета, которая во всем похожа на нашу, за исключением того, что вон та пальма находится на полметра правее. И еще одна, где это дерево расположено на полметра левее. На самом деле существует бесконечное множество планет, которые отличаются друг от друга лишь расположением этого дерева.

Молчание. Интересно, не заснула ли она?

– Ну, как тебе это? – попробовал выяснить я.

– Интересно, – прошептала она. – На этих планетах может случиться все, что только возможно.

– Точно.

– Тогда на одной планете я, наверное, кинозвезда.

– Никаких «наверное». Ты живешь в Беверли-Хиллз и в прошлом году получила несколько «Оскаров».

– Это хорошо.

– Да, но не забывай, что на другой планете твой фильм потерпел провал.

– Что?

– Он провалился. На тебя обрушились критики, киностудия понесла убытки, а ты ушла в запой и наглоталась наркотиков. Очень неприглядная картина.

Франсуаза легла на бок и взглянула на меня.

– Расскажи мне о других мирах, – прошептала она. Когда она улыбалась, ее зубы в лунном свете отливали серебром.

– Я еще много чего могу рассказать, – ответил я.

Этьен зашевелился и вновь повернулся на другой бок.

Я наклонился и поцеловал Франсуазу. Она отпрянула. Или засмеялась. Или тряхнула головой. Или, закрыв глаза, ответила на мой поцелуй. Этьен проснулся и открыл рот, не веря своим глазам. Этьен по-прежнему спал. Я спал, когда Франсуаза поцеловала Этьена.

На расстоянии множества световых лет от наших сделанных из мешков для мусора постелей и мерного шума прибоя происходили все эти события.

После того как Франсуаза закрыла глаза, а ее дыхание стало ровным, я поднялся со своей полиэтиленовой простыни и направился к морю. Я постоял на мелководе, медленно погружаясь в воду, по мере того как волна уносила с собой песок. Огни Ко-Сауи пылали на горизонте, похожие на солнечный закат. Звезды висели так же, как у меня дома на потолке.

В джунглях

Мы отправились дальше сразу же после завтрака. Он состоял из половины плитки шоколада на человека и холодной лапши, на размягчение которой мы истратили большую часть воды из наших фляжек. Слоняться без дела не имело смысла. Нам нужно было найти источник

пресной воды, кроме того, согласно карте мистера Дака, пляж находился на противоположном берегу острова.

Сначала мы шли вдоль берега, надеясь обойти остров по окружности. Вскоре, однако, песок сменился островерхими скалами, которые затем превратились в непреодолимые утесы и ущелья. Потеряв таким образом драгоценное время, мы попытались обойти остров с другой стороны, пока солнце еще поднималось ввысь. Здесь мы натолкнулись на такой же барьер. У нас не осталось другого выхода, кроме как начать пробираться вглубь острова. Нашей целью было найти проход между горными пиками, поэтому мы закинули мешки на плечи и нырнули в джунгли.

Первые двести – триста метров от берега были самыми трудными. Пространство между пальмами заросло странным ползучим кустарником с крошечными, но острыми как бритва листьями. Выбирать нам не приходилось, и стали продираться через него. Но чем дальше мы шли, тем выше поднимались, и пальмы стали попадаться реже. Сменившие их деревья были похожи на заржавевшие, обвитые плющом космические ракеты, корни деревьев возвышались метра на три над землей и расходились веером, подобно хвостовым стабилизаторам. Чем меньше солнечного света проникало через лиственный шатер, тем скуднее становилась растительность на земле. Иногда путь нам преграждали густые заросли бамбука, но мы находили какую-нибудь звериную тропу или проход, проделанный упавшей гигантской веткой.

После рассказов Зефа о джунглях, в которых росли растения юрского периода и жили птицы с причудливым оперением, я был несколько разочарован реальностью. Меня не покидало ощущение, что я гуляю в каком-то английском лесу, раз в десять уменьшившись в размерах. Правда, здесь попадались и экзотические вещи. Несколько раз мы видели маленьких коричневых обезьян, которые быстро лазали по деревьям. Над нами висели похожие на сталактиты лианы, будто перенесенные сюда из фильмов о Тарзане. Было очень влажно: вода каплями стекала по шее, прибывала волосы, приклеивала наши майки к груди. Воды было так много, что наши полупустые фляги уже не заботили нас. Встаешь под ветку, встряхиваешь ее – и можешь сделать два хороших глотка, а также принять настоящий душ. Мне показалось забавным, что во время плавания мы сохранили свою одежду сухой лишь для того, чтобы она промокла во время нашего путешествия вглубь острова.

Через два часа мы оказались перед очень крутым подъемом. Нам пришлось изо всех сил цепляться за жесткие стебли папоротников, чтобы не соскользнуть вниз по грязи и опавшим листьям. Этьен первым взобрался на вершину и исчез за гребнем. Через несколько секунд он вернулся и оживленно замахал нам рукой.

– Давайте скорее! – крикнул он нам. – Вид просто потрясающий!

– Что там? – спросил я, но он снова исчез.

Я удвоил усилия, оставив Франсуазу позади.

Склон вывел нас на выступ размером с футбольное поле. Площадка была такой ровной и аккуратной, что казалась искусственной посреди хаоса окружавших нас джунглей. Склон устремлялся дальше вверх, где виднелся следующий выступ, а затем поднимался еще выше.

Этьен уже продвинулся дальше по плато, он стоял подбоченившись среди какого-то кустарника и осматривался по сторонам.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь? – спросил он.

Я оглянулся. Далеко внизу я увидел берег, с которого мы начали свой путь, остров, где мы спрятали свои рюкзаки, и еще много других островов поблизости.

– Я и не предполагал, что морской парк такой огромный, – ответил я.

– Да, он очень большой. Но я имел в виду другое.

Я повернулся лицом к плато, сунув в рот сигарету. Но пока шарил по карманам в поисках зажигалки, неожиданно заметил нечто странное. Все растения на плато показались мне удивительно знакомыми.

– Ой! – вырвалось у меня. Сигарета выпала изо рта, потому что я уже позабыл о ней.

– Да.

– Марихуана?

Этьен ухмыльнулся:

– Ты когда-нибудь видел столько травы?

– Никогда. – Я сорвал несколько листьев с ближайшего куста и растер их между ладонями.

Этьен направился дальше по плато.

– Надо собрать немножко, Ричард, – сказал он. – Мы высушим марихуану на солнце и... – Неожиданно он остановился. – Погоди-ка, это действительно смешно.

– Ты о чем?

– Ну, просто... Эти растения. – Он присел на корточки, а затем быстро обернулся ко мне. Его губы начали складываться в улыбку, но глаза округлились, и я увидел, как краска буквально сходит с его лица. – Это же поле, – сказал наконец он.

Я так и замер от изумления.

– Поле?

– Да. Посмотри внимательно на растения.

– Но это невозможно. Ведь эти острова...

– Растения посажены рядами.

– Рядами...

Потрясенные, мы уставились друг на друга.

– Боже мой! – медленно проговорил я. – Тогда мы вляпались капитально.

Этьен устремился ко мне.

– Где Франсуаза?

– Она... – Я был слишком поглощен своими мыслями и поэтому не сразу понял, о чем он спрашивает. – Сейчас подойдет, – сказал я наконец, но он уже метнулся мимо меня и, припав к земле, заглянул через край плато.

– Ее там нет!

– Но она же шла за мной. – Я подбежал к краю выступа и посмотрел вниз. – Может, она оступилась?

Этьен встал:

– Я спущусь. А ты поищи здесь.

– Да... Хорошо.

Он скользнул вниз. Через некоторое время я увидел, как между деревьями, растущими по краю плато, мелькнула желтая майка Франсуазы. Этьен успел уйти довольно далеко, и я бросил вниз камешек, привлекая его внимание. Он выругался и начал подниматься обратно.

Франсуаза появилась на плато, заправляя майку в шорты.

– Мне нужно было в туалет, – крикнула она.

Я бешено замахал руками, пытаясь при помощи мимики дать ей понять, чтобы она замолчала. Она поднесла руку к уху:

– Что ты сказал? Эй! Я видела несколько человек там, выше в горах. Они направляются сюда. Может, это пляжные жители?

Услышав ее, Этьен сдавленно крикнул мне снизу:

– Ричард! Закрой ей рот!

Я припустил по направлению к Франсуазе.

– Что это вы?.. – спросила она. Но тут я подбежал к ней и толкнул ее на землю.

– Заткнись! – проговорил я, зажимая ей рот рукой.

Она попыталась высвободиться из моего захвата. Я надавил сильнее, наклоняя ее голову к плечу.

– На этом поле выращивают марихуану, – прошипел я, отчетливо выговаривая каждое слово. – Поняла?

Ее глаза широко раскрылись, она попробовала фыркнуть.

– Марихуану! – снова зашипел я. – Вот что это за поле, черт возьми!

Этьен уже был рядом. Он схватил меня сзади за руки. Я отпустил Франсуазу и, сам не зная почему, попытался схватить его за шею. Он увернулся и сдался руками мою грудную клетку.

Я стал сопротивляться, но он был сильнее меня.

– Идиот! Отпусти! Сюда идут люди!

– Где они?

– На горе, – прошептала Франсуаза, вытирая рот. – Выше.

Он взглянул вверх, на другое плато.

– Я никого не вижу, – сказал он, отпуская меня. – Тише! Что это?

Мы все притихли, но я не слышал ничего, кроме звука пульсирующей в ушах крови.

– Голоса, – почти шепотом сказал Этьен. – Слышите?

Я напряженно прислушался. Теперь мне удалось расслышать доносящиеся издалека голоса. Люди приближались.

– Это тайландцы.

Я чуть не поперхнулся.

– Черт возьми! Нужно быстрее сматываться отсюда! – Я собрался было дать деру, но Этьен удержал меня.

– Ричард, – сказал он. Несмотря на страх, я с удивлением отметил спокойное выражение его лица. – Если мы побежим, нас заметят.

– Что же делать?

Он показал рукой на темные заросли.

– Мы спрячемся там.

Распластавшись на земле и с тревогой всматриваясь в просветы между листьями, мы напряженно ждали, когда появятся тайландцы.

Через некоторое время нам показалось было, что они уже прошли мимо нас, а мы их просто не заметили, но неожиданно хрустнула ветка и на плато, почти на том же месте, где несколько минут назад стояли мы с Этьеном, появился человек. Это был юноша лет двадцати, с телосложением кикбоксера, одетый в темно-зеленые мешковатые военные брюки с боковыми карманами. Его мускулистая грудь была совершенно голой. В руке он держал длинное мачете, а на плече у него висел карабин.

Я почувствовал, как Франсуаза, дрожа, прижалась ко мне. Я повернул голову, пытаюсь придумать какие-нибудь утешительные слова, но мое напряженное лицо выдало меня. Она пристально смотрела на меня, как будто ждала объяснений. Я лишь беспомощно покачал головой.

Появился второй человек, постарше и тоже вооруженный. Они обменялись несколькими словами. Несмотря на то что тайландцы стояли более чем в двадцати метрах, до нас отчетливо доносились причудливые звуки их речи. Затем кто-то третий позвал их из джунглей, и тайландцы отправились дальше. Вскоре они исчезли за краем выступа и стали спускаться по склону, по которому мы поднялись.

Через минуту-другую после того, как перестала доноситься их певучая речь, Франсуаза неожиданно расплакалась. Потом заплакал и Этьен. Он лег на спину и закрыл глаза. Его руки были сжаты в кулаки.

Я безучастно наблюдал за ними. Чувствовал себя между небом и землей. Шок, охвативший нас, когда мы обнаружили это поле, и напряжение, не покидавшее нас, пока мы прятались в зарослях, опустошили меня. Я опустился на колени. По лицу градом катился пот. Я ничего не соображал.

Наконец я взял себя в руки.

– О'кей, – сказал я. – Этьен был прав. Они не знали, что мы здесь, но нас скоро могут найти. – Я потянулся за своим мешком. – Пора сматываться.

Франсуаза села на землю, вытирая глаза забрызганной грязью майкой.

– Да, – пробормотала она. – Пошли, Этьен.

Этьен кивнул.

– Ричард, – твердо сказал он, – я не хочу умереть здесь.

Я открыл рот, пытаясь что-то ответить, но не знал, что сказать ему.

– Я не хочу умереть здесь, – повторил он. – Ты должен вытащить нас отсюда.

Прыжок

Я должен вытащить их отсюда? Я? Я не мог поверить своим ушам. Он был единственным, кто не потерял голову, когда к нам приближались охранники полей. Тогда как я просто наложил в штаны. Мне хотелось крикнуть: «Сам выводи нас отсюда, сволочь!»

Но, глядя на него, становилось понятно, что он не может справиться с ситуацией. Франсуаза тоже ничего не могла сделать. Она смотрела на меня с тем же испуганным, ожидающим выражением, что и Этьен.

Поэтому у меня просто не было выбора. Мне пришлось принимать решение, и я решил идти дальше. Позади находились охранники – брели по тропам, которые, как мы наивно предположили, проделали звери. Охранники, наверное, уже на пути к берегу, где вскоре обнаружат обертку от шоколада или следы на песке, которые и выдадут наше присутствие. А впереди нас ждала неизвестность. Может быть, другие поля, другие охранники, а может, пляж, полный европейцев и американцев. Или же – вообще ничего.

«Лучше иметь дело со знакомым чертом...» – вот клише, которое я теперь не приемлю. Прячась в кустах, дрожа от страха, я понял, что если черт, которого я знаю, – это охранник плантации с марихуаной, тогда все остальные черты в подметки ему не годятся.

Я почти не помню, что происходило на протяжении нескольких часов после того, как мы покинули плато. Наверное, я настолько сосредоточился на текущем моменте, что в моей голове просто больше ни для чего не осталось места. А чтобы сохранить что-то в памяти, нужно время, чтобы осмыслить происходящее.

У меня в памяти остались лишь два мимолетных образа: вид на поля с марихуаной внизу, под нами, и еще один, куда более сюрреалистический. Сюрреалистический – потому что такого я точно не мог увидеть. Но, закрывая глаза, я так отчетливо вижу эту картину.

Мы втроем спускаемся по склону с другой стороны от полей. Я будто наблюдаю за происходящим сзади, поэтому вижу только наши спины, как будто стою выше. Полиэтиленовых мешков у нас с собой нет. Я иду, вытянув вперед руки – словно пытаюсь сохранить равновесие. Этьен держит за руку Франсуазу.

Странно, что впереди, над верхушками деревьев, я вижу лагуну и белый песок. Это невозможно. А лагуну мы увидели, только когда подошли к водопаду.

Водопад был с четырехэтажный дом, а я терпеть не могу высоту. Чтобы понять, как лучше спуститься, мне пришлось подползти на животе к самому краю утеса: я боялся, что чувство равновесия, позволяющее стоять, скажем, на стуле, мне изменит и я камнем полечу навстречу смерти.

Склоны утеса устремлялись вниз по обе стороны от водопада и, смыкаясь, спускались в море. Таким образом, от острова как бы отсекался гигантский круг, опоясывавший скалистой стеной лагуну, – именно так описывал это место Зеф. Оттуда, где мы сидели, было хорошо видно, что эта скалистая стена насчитывает не более тридцати метров в толщину, но, проплывая мимо нее на лодке, никогда не догадаешься, что за ней скрывается. С моря видна только непрерывная береговая линия, заросшая джунглями. По-видимому, лагуну связывали с морем подводные пещеры и каналы.

Внизу водопад образовывал небольшое озеро. Быстрый ручей исчезал среди деревьев. Самые высокие деревья поднимались выше того места, где мы находились. Если бы они росли немного ближе, мы могли бы воспользоваться ими, чтобы спуститься вниз. А спуститься было очень сложно. Склон с водопадом был слишком отвесным.

– И что вы обо всем этом думаете? – спросил я Этьена и Франсуазу после того, как ползком возвратился от края утеса.

– А что думаешь ты? – ответил вопросом на вопрос Этьен, очевидно еще не готовый принять руководство.

Я вздохнул:

– Думаю, мы попали туда, куда хотели. Все сходится с картой мистера Дака, и место полностью соответствует описаниям Зефа.

– Так близко и так далеко.

– Так близко и вместе с тем так далеко, – рассеянно поправил я его. – Это точнее.

Поднявшись, Франсуаза окинула взглядом лагуну и окружающие ее морские скалы.

– Может, стоит еще поискать? – предложила она. – Вдруг мы наткнемся на удобный спуск?

– Это самое низкое место. Видишь, с других сторон склон выше?

– Можно прыгнуть в море. Тут не слишком высоко.

– До воды мы не допрыгнем – разобьемся о скалы.

Она выглядела сердитой и усталой.

– Ладно, Ричард, но должен же здесь быть какой-то спуск. Если люди приезжают на этот пляж, тут просто обязана быть какая-нибудь тропа.

– Если люди приезжают на этот пляж... – эхом отозвался я.

Мы не заметили никаких признаков, что там, внизу, находятся люди. Я-то думал, добравшись до пляжа, мы увидим приветливых путешественников с загорелыми лицами, беззаботно слоняющихся по округе, ныряющих за кораллами, играющих во фрисби. Ну и все такое. В действительности же оказалось, что пляж очень красивый, но совершенно пустынный.

– Может, нам удастся спрыгнуть с водопада? – предложил Этьен. – Его высота меньше тех утесов, что выходят в море.

Я на мгновение задумался.

– Возможно, – ответил я и потер руками глаза.

Адреналин, поддерживавший меня, иссяк, и теперь я был полностью истощен. Я так устал, что даже не испытывал чувства облегчения от того, что мы наконец нашли пляж. А еще мне жутко хотелось курить. Я уже много раз порывался зажечь сигарету, но боялся, что запах дыма выдаст нас.

Франсуаза, казалось, читала мои мысли.

– Если хочешь курить, кури, – улыбаясь, сказала она. Наверное, в первый раз кто-то из нас трюх улыбнулся после ухода с плато. – С этой стороны перевала нет никаких полей.

– Да, – добавил Этьен. – Никотин... Это помогает.

– Хорошо сказано.

Я закурил и пополз обратно к краю утеса.

Если, рассуждал я, вода падает в озеро уже тысячу лет, тогда в скале, наверное, образовалась выемка, достаточно глубокая, чтобы туда можно было прыгнуть. Но если остров возник сравнительно недавно, лет двести назад, – скажем, как результат вулканической активности, – тогда глубина озера недостаточна для прыжка.

– Но откуда мне знать? – спросил я сам себя, медленно выпуская дым.

Франсуаза посмотрела в мою сторону, решив, что я обращаюсь к ней.

Камни в воде были гладкими. Деревья внизу – высокими и старыми.

– Ладно, – прошептал я.

Я осторожно встал. Одну ногу поставил в двух-трех сантиметрах от края утеса, а другую – чуть подальше, для устойчивости. Я вспомнил, как собирал авиамodelи «Эйрфикс», набивал их ватой, обливал спиртом, поджигал и запускал из окна верхнего этажа своего дома.

– Ты собираешься прыгать? – нервно спросил Этьен.

– Нет, просто хочу получше все рассмотреть.

Снижаясь, самолеты сначала отлетали от стены, а затем летели обратно. Приземляясь, они взрывались и распадались на множество клейких пылающих осколков. Место приземления всегда оказывалось ближе к стене дома, чем я предполагал. Расстояние было трудно рассчитать: самолетам всегда требовался более сильный, чем я думал, толчок, чтобы они не упали на ступеньки крыльца или на голову человека, решившего подойти посмотреть на разлетающиеся в воздухе языки пламени.

Я прокручивал в памяти это воспоминание, когда во мне неожиданно произошла какая-то перемена. На меня накатило чувство, напоминавшее скуку, – какое-то странное безразличие. Я вдруг ощутил невероятную усталость от этого трудного путешествия. Слишком много усилий, слишком много потрясений и неопределенности. И усталость возымела свое действие. На несколько важнейших мгновений она избавила меня от страха перед тем, что последует. С меня было довольно. Я лишь хотел, чтобы все закончилось быстрее.

Так близко и так далеко...

– Прыгай, – услышал я звук собственного голоса.

Я немного помедлил. Мне было интересно, правильно ли я расслышал себя. А затем я сделал это. Я прыгнул.

Все происходило как при обычном падении. У меня было время о чем-то подумать. В моей голове пронеслись глупые мысли: как моя кошка однажды соскочила с кухонного стола и приземлилась на голову и как я один раз неправильно рассчитал прыжок с вышки и ударился о воду, будто о дерево. Не о бетон или металл, а именно о дерево.

А потом погрузился в воду. Моя майка задралась на груди и скомкалась на шее. Через несколько секунд я вынырнул на поверхность. Озеро оказалось настолько глубоким, что я даже не коснулся дна.

– Ха! – заорал я, бешено колотя руками и не думая о том, что меня может кто-то услышать. – Я жив!

Я посмотрел вверх и увидел свесившиеся с утеса головы Этьена и Франсуазы.

– Ты в порядке? – крикнул Этьен.

– Я отлично! Лучше не бывает!

Тут я почувствовал в руке какой-то предмет. Я по-прежнему держал сигарету. Ее табачная часть оторвалась, но насквозь сырой и покрытый никотиновыми пятнами коричневый фильтр остался у меня в руке. Я засмеялся:

– Охренительно! Бросайте мешки вниз!

Я сидел на покрытом травой берегу озера, болтал ногами в воде и ждал, когда прыгнут Этьен и Франсуаза. У Этьена возникли психологические трудности, и он пытался взять себя в руки, а Франсуаза не хотела прыгать первой и бросать его на произвол судьбы.

Парень появился как раз в тот момент, когда я зажигал другую сигарету вместо испорченной во время прыжка. Он вышел из-за деревьев в нескольких метрах от меня. Если бы не черты его лица и не окладистая борода, я бы даже не подумал, что передо мной белый человек. У него была темная, как у жителя Азии, кожа, хотя ее бронзоватый отлив говорил о том, что когда-то она была белой. Из одежды на нем были лишь синие рваные шорты, а на шее у него висело ожерелье из ракушек. Борода не позволяла точно определить его возраст, но вряд ли он был старше меня.

– Ха, – обратился он ко мне, наклонив голову, – довольно быстро для духа. Ты решился на прыжок всего через двадцать три минуты. – У него был явно британский акцент. – Мне в свое время понадобилось больше часа. Но я был один, поэтому мне было труднее.

Духи

Я прикрыл рукой глаза и лег на спину. Сквозь шум водопада до меня донесся безжизненный голос Этьена, сообщившего, что он сейчас прыгнет. Он не мог видеть появившегося из-за деревьев парня. Я не удостоил Этьена ответом.

– Ты в порядке? – услышал я вопрос. Парень направился ко мне, и трава зашелестела под тяжестью его шагов. – Извини, мне стоило... Ты, наверное, совсем ошалел.

«Ошалел?» – спросил я сам себя.

– Вовсе нет. Я, наоборот, расслабился.

Полностью расслабился. Я сейчас парил над землей. И чувствовал, как сигарета между пальцами, тлея около руки, согревает кожу.

– Кого ты назвал духом? – пробормотал я.

Над моим лицом появилась тень – парень склонился надо мной, чтобы посмотреть, не потерял ли я сознание.

– Ты что-то сказал?

– Да.

Этьен пронзительно кричал во время прыжка. Плеск при его погружении слился с шумом воды, и этот звук был похож на шум винтов вертолета.

– Я спросил, кого это ты назвал духом?

Парень чуть помедлил с ответом:

– Ты уже бывал здесь раньше? Я что-то не узнаю тебя.

Я улыбнулся:

– Конечно, я бывал здесь. Во сне.

Бомбы. Вещмешки. Затворы. Вьетконговцы. ДМЗ. Пропавшие без вести. Убитые в бою. Духи. Дух – только прибывший во Вьетнам.

Откуда я все это знаю?

Я смотрел «84 Чарли Мопик» в 1989 году. Я смотрел «Взвод» в 1986-м. Мой приятель Том спросил меня: «Рич, хочешь посмотреть „Взвод“?» – «Хочу», – сказал я. Он усмехнулся: «Ты долго будешь искать девчонку, которая согласится пойти с тобой на это». Он всегда отпускал подобные шутки: для него шутить – что дышать. «Взвод» мы смотрели в «Суисс-коттедж Одеон», зал номер один, год 1986-й.

Однажды в 1991 году я стоял в зале ожидания аэропорта, подыскивая что-нибудь, что помогло бы мне скоротать долгий полет в Джакарту. «Эрик Ластбадер?» – предложил Шон, но

я покачал головой. Перед моим мысленным взором стояла картина: Майкл Герр отправляет донесения. Часы пролетели незаметно.

Дух? Да, хоть и иду я долиной смерти, не убоюсь я зла, ибо я самая злобная сволочь в этой долине.

Дух?

Где?

Мы шли по лесу следом за парнем. Пару раз мы пересекли петлявший в джунглях ручей, который вытекал из озера под водопадом. Иногда на нашем пути попадались поляны. На одной из них дымился костер, вокруг которого валялись обугленные рыбы головы.

За время пути мы почти не разговаривали. Парень лишь назвал нам свое имя – Джед. Остальные наши вопросы он оставил без ответа.

– Проще поговорить обо всем в лагере, – объяснил он. – У нас к вам столько же вопросов, сколько и у вас к нам.

На первый взгляд лагерь мало чем отличался от того, каким я его себе представлял. Большая расчищенная пыльная площадка, которую окружали напоминавшие ракеты деревья и самодельные бамбуковые хижины. Лагерь сильно смахивал на обычные для Юго-Восточной Азии деревушки, которые я повидал во множестве, и общее впечатление чуть-чуть портили несколько брезентовых палаток. В противоположном конце стояло сооружение побольше – длинный дом. Около него снова появлялся вытекавший из озера под водопадом ручей. Он огибал дом, а также край площадки. Судя по отвесным берегам, ручей специально отвели подальше.

Лишь рассмотрев все это, я заметил, что освещен лагерь как-то странно. В лесу темнота и свет чередовались между собой, а в лагере все время стоял полумрак, напоминавший скорее сумерки, чем тусклый свет. Я посмотрел вверх, вдоль ствола одного из гигантских деревьев. Дух захватывало уже от одной высоты. Нижние ветки были отпилены, и глазу предоставлялась возможность оценить размеры великана. Начинаясь чуть выше ветви нависали над площадкой, подобно куполу, сплетаясь с ветвями соседнего дерева. Присмотревшись повнимательнее, я увидел, что ветки многократно переплелись друг с другом, образовав ячеистый потолок из дерева и листвы. С него спускались похожие на сталактиты вьющиеся растения, удивительно гармонично вписывавшиеся в общую картину.

– Маскировка, – объяснил Джед, стоявший позади. – Мы не хотим, чтобы нас засекли с воздуха. Иногда здесь пролетают самолеты. Не слишком часто, но все же... – Он показал вверх. – Раньше ветки были связаны веревками, а теперь просто срослись. Мы постоянно подстригаем их, а то станет совсем сумрачно. Ну как, впечатляет?

– Потрясающе, – согласился я, настолько захваченный этим зрелищем, что даже не заметил, как из дома начали выходить люди. Они направлялись через площадку к нам. Точнее говоря, их было трое – две женщины и один мужчина.

– Сэл, Кэсси, Багз, – представила всех одна из женщин, когда они подошли к нам. – Меня зовут Сэл, но не старайтесь запомнить наши имена. – Она приветливо улыбнулась. – Вы просто запутаетесь в них, когда познакомитесь с остальными. Постепенно запомните всех.

Вряд ли можно позабыть такое имя, как Багз, подумал я про себя, еле сдерживая смех. Я постарался скорчить серьезную мину и приложил руку к виску. После прыжка в водопад в голове чувствовалась необычайная легкость. Было такое ощущение, что голова вот-вот взмоет в воздух.

Франсуаза шагнула к женщине и представила ей нас:

– Франсуаза, Этьен, Ричард.

– Так вы французы?! Великолпно! До сих пор у нас здесь был только один француз.

– Ричард – англичанин. – Франсуаза жестом указала на меня.

Я попытался было вежливо кивнуть, но моя голова дернулась вперед дальше, чем нужно, и в результате получился легкий поклон.

– Великолепно! – снова воскликнула женщина, с любопытством рассматривая меня уголком глаза. – Однако... надо вас покормить. Я уверена, что вы проголодались. – Она повернулась к мужчине. – Багз, ты не принесешь супа? Тогда мы поговорим и познакомимся получше. Ну как?

– Отлично, Сэл! – громко сказал я. – Знаешь, ты действительно права. Я очень голоден. – С трудом сдерживаемый смех в конце концов вырвался наружу. – Сегодня мы ели только холодную лапшу «Магги» и шоколад. Мы не могли взять с собой примус Этьена и...

Я начал терять сознание. Джек бросился подхватить меня, но было уже поздно. Его встревоженное лицо исчезло из моего поля зрения, и я упал на спину. Последнее, что я успел заметить, был видневшийся через маскировку голубой клочок неба. Потом и его поглотила нахлынувшая темнота.

Бэтмен

Я терпеливо ждал, когда же появится мистер Дак. Я знал, что он где-то поблизости, потому что при свете свечи я отчетливо видел кровь в пыли вокруг кровати и кровавый отпечаток руки на простынях. Я решил, что он прячется в тени в противоположном конце дома и выжидает удобный момент, чтобы выскочить и захватить меня врасплох. Но на этот раз врасплох будет захвачен он. Сейчас я был готов к встрече с ним.

Незаметно пролетали минуты. Я вспотел, и мне было трудно дышать. Со свечи капал воск, падавший в пыль и превращавшийся в шарики. Со стропил крыши мне в ноги упала ящерица.

Меня пришла навестить ящерица, с которой мы вместе переживали грозу.

– А-а, – сказал я. – Привет. – Я протянул руку и попытался схватить ее, но она вырвалась, оставив у меня в руках лишь розовый кончик хвоста длиной в сантиметр.

Одна из игр мистера Дака.

Я выругался и поднял хвост. Он слегка щелкнул меня по руке.

– Очень остроумно, Дак. Не знаю, что бы это значило, но все равно очень остроумно. – Я опустил обратно на подушку. – Эй, Дак! Вот это мальчик, да? Хорош малыш!

– С кем это ты разговариваешь? – спросил чей-то сонный голос из темноты.

Я снова сел на кровати:

– Это ты, Дак? Что у тебя с голосом?

– Это Багз.

– Багз? Да-да, помню. Подожди-ка, я попробую угадать. Багз Банни, правильно?

Последовало долгое молчание.

– Да, – наконец ответил голос. – Ты угадал.

Я почесал голову. В волосах было полно каких-то липких комочков.

– Так я и думал. Значит, ты принял эстафету от Дака? Кто же следующий? – Я захихикал. – Роудраннер?

В темноте о чем-то невнятно заговорили двое.

– Порки Пиг? Йосемити Сэм? Обожди-ка, до меня дошло... Уайл И. Койот. Это Уайл И. Койот, не так ли?⁵

В оранжевом пламени свечи я уловил движение. Ко мне приближалась какая-то фигура. Когда она оказалась ближе, я узнал стройные очертания.

⁵ Поросенок, коротышка-ковбой и койот – персонажи мультфильмов.

– Франсуаза! Эй, Франсуаза, этот сон лучше предыдущего.

– Тсс, – прошептала она и опустилась на колени возле моей кровати. Длинная белая майка поднялась у нее на бедрах. – Ты не спишь?

Я покачал головой:

– Нет, Франсуаза, мне снится сон. Поверь мне. Посмотри, сколько крови на полу. Это кровь из порезанных запястий мистера Дака. Она никак не остановится. Ты бы видела, во что превратилась моя комната в Бангкоке.

Она оглянулась, а потом снова посмотрела на меня:

– Кровь идет у тебя из головы, Ричард.

– Но...

– Ты разбил голову при падении.

– ...Мистер Дак...

– Тсс. Все уже спят. Пожалуйста, успокойся.

Я лег на кровать, ничего не понимая. Франсуаза положила руку мне на лоб:

– У тебя небольшой жар. Как ты думаешь, ты сможешь заснуть?

– Не знаю.

– Ты попытаешься?

– О'кей.

Она накрыла мне плечи простынями и слегка улынулась:

– Ну вот, все в порядке. Закрой глаза.

Я послушно закрыл глаза.

Подушка сдвинулась, когда Франсуаза наклонилась. Она нежно поцеловала меня в щеку.

– Я сплю, – забормотал я, когда ее шаги стали удаляться. – Я так и знал.

Мистер Дак повис надо мной, как бескрылая летучая мышь. Он обхватил ногами балку крыши, из-за чего его живот превратился в какую-то гротескного вида впадину. Из покачивающихся рук его непрерывно капала кровь.

– Я так и знал, – сказал я. – Я знал, я знал, что ты где-то рядом. – В этот момент мне на грудь полилась кровь. – Какая холодная! Как у чертовой рептилии.

Мистер Дак бросил на меня сердитый взгляд:

– Такая же теплая, как и твоя. Она холодит из-за того, что у тебя жар. Ты должен накрыться простынями. Иначе умрешь.

– Слишком жарко.

– Гм. Слишком жарко, слишком холодно...

Я вытер рот влажной рукой.

– У меня малярия?

– Малярия? Скорее, это от нервного истощения.

– А почему его нет у Франсуазы?

– Она не так нервничала, как ты. – Громадная челюсть мистера Дака выдалась вперед, и на лице у него появилась озорная усмешка. – Она очень внимательна к тебе. Очень внимательна. Пока ты спал, она два раза приходила взглянуть на тебя.

– Я сплю?

– Естественно... Крепко спишь.

Пламя свечи ослабевало, по мере того как расплавленный воск заливал фитиль. Снаружи стрекотали цикады. Сверху капала похожая на ледяную воду кровь. Меня бросало от нее в дрожь, и, чтобы согреться, мне приходилось кутаться в простыни.

– Что случилось с ящерицей, Дак?

– С ящерицей?

– Она убежала. Во время грозы она оставалась у меня на ладони, а здесь она убежала.

- Мне помнится, она убежала во время грозы, Рич.
- Но я держал ее в руке.
- Ты в этом уверен, Рич?

Восковая лужица на верхушке свечи стала слишком большой. Неожиданно она пролилась через край, и фитилек снова ярко загорелся, обрисовывая четкую тень на потолке. Там был контур бескрылой летучей мыши с повисшими когтями и тонкими лапами.

- Молния, – прошептал я.

Челюсть выдалась вперед.

- Вот молодец...

- Да пошел...

- Хорош малыш.

- ...ты.

Минуты пролетали незаметно.

Разговор

Утро уже давно наступило, подумал я. Просто стало очень жарко. Внутри дома царила темнота, свеча по-прежнему горела, а значит, временные ориентиры отсутствовали.

В ногах моей кровати сидел Будда в позе лотоса. Ладони его покоились на бледно-желтых коленях. Необычный Будда – женщина с американским акцентом. Под ее темно-оранжевой майкой отчетливо обрисовывались тяжелые груди; ее длинные волосы были собраны в пучок, отчего лицо казалось совершенно круглым. На шее у нее висело ожерелье из морских ракушек. Возле нее горели курительные палочки. Ароматный дым тонкими спиралями устремлялся к потолку.

– Доешь, Ричард, – сказала Будда, указывая глазами на миску, которую я держал в руках. Она была сделана из половинки недавно сорванного кокоса, и в ней еще оставалось немного приторного рыбного супа. – Доешь его.

Я поднес миску ко рту. Запах благовоний смешался с запахом рыбы и сладкой приправы. Я снова опустил миску.

- Не могу, Сэл.
- Ты должен доесть его, Ричард.
- Меня вырвет.
- Ты должен, Ричард.

У нее была американская привычка часто повторять имя собеседника, что производило странное впечатление обезоруживающей фамиллярности и одновременно принужденности в обращении.

- Честное слово, не могу.
- Тебе это поможет.
- Я уже почти все съел. Посмотри.

Я поднял миску – пускай Будда убедится, что я не вру. Мы уставились друг на друга через испачканные кровью простыни.

– Ну хорошо, – наконец вздохнула она. – Наверное, этого будет достаточно. – Она скрестила руки на груди, прищурила глаза и сказала: – Ричард, нам нужно поговорить.

Мы были одни. Время от времени кто-то заходил в дом, кто-то выходил, но я не смог никого увидеть. Я слышал, как открывалась дверь в противоположном конце дома. Пока она оставалась открытой, в темноте виднелся маленький прямоугольник света.

Когда я начал рассказывать о том, как обнаружил тело мистера Дака, Сэл помрачнела. Ее реакция была не слишком явственной: у нее только резко дернулись брови и напряглась

нижняя губа. Наверное, она уже знала о смерти Дака от Этьена и Франсуазы, поэтому эта новость не ошеломила ее. Ее эмоции было трудно понять. Казалось, она больше сочувствовала мне и будто сожалела о том, что мне приходится рассказывать такие ужасные вещи.

Больше Сэл ничем не выдала своих чувств. Она не перебивала меня, не хмурилась, не улыбалась и не кивала. Она просто неподвижно сидела в позе лотоса и слушала. Сначала ее бесстрастие приводило меня в замешательство, и я умышленно сделал паузу после изложения основных событий, чтобы дать ей время высказать свое мнение, но она лишь молча ждала продолжения моего рассказа. Вскоре я поймал себя на том, что все говорю и говорю, будто она была магнитофоном или священником.

Она и правда вела себя как священник. У меня возникло чувство, что я нахожусь на исповеди. Я виновато описывал панику, охватившую меня на плато, и пытался оправдаться в своей лжи полицейским. Молчание, с которым она все это выслушивала, было похоже на отпущение грехов. Я даже невнятно упомянул о своем влечении к Франсуазе, чтобы снять камень с души. Наверное, слишком невнятно... и Сэл не поняла меня, но попытку я сделал.

Единственное, о чем я умолчал, так это о том, что я дал еще двум людям карту, на которой было указано, как добраться до острова. Я понимал, что должен рассказать ей о Зефе и Сэмми, но подумал, что ей может не понравиться, что я выдал тайну. Лучше подождать, пока я художественно разведу обстановку на острове. Я также не сказал ей о своих снах, в которых появлялся мистер Дак, но уже по другой причине. Я не видел в этом необходимости.

Я нагнулся за лежавшим в моем мешке блоком сигарет, чтобы дать понять, что заканчиваю рассказ о моих приключениях, дойдя до того момента, как я вошел в лагерь и потерял сознание. Сэл улыбнулась, атмосфера исповеди улетучилась, вдруг снова став непринужденной, как прежде.

– Э-эй, – протянула Сэл слово в типичной североамериканской манере. – Ты, без сомнения, прибыл сюда подготовленным.

– Гм, – ответил я, насколько это позволял процесс прикуривания от пламени свечи. – Я самый подготовленный из подготовленных.

Она рассмеялась:

– Я вижу.

– Хочешь сигарету?

– Нет, спасибо. Как-нибудь обойдусь.

– Бросаешь?

– Уже бросила. Тебе тоже стоит попробовать, Ричард. Здесь это совсем не трудно.

Я сделал несколько быстрых затяжек, не втягивая дыма, чтобы выжечь из сигареты привкус воска.

– Я брошу, когда мне стукнет тридцать. Когда у меня будут дети.

Сэл пожала плечами.

– Как хочешь, – сказала она, улыбнувшись, и по очереди провела пальцами над каждой из бровей, чтобы вытереть пот. – Ну что ж, Ричард, твоё путешествие сюда смахивает на приключение. Обычно новые гости добираются сюда с проводником. А твой случай очень необычный.

Я ждал продолжения, но его не последовало. Вместо этого она вытянула ноги, как будто собиралась уходить.

– Можно, теперь я задам тебе несколько вопросов, Сэл? – быстро спросил я.

Она бросила взгляд на запястье. Часов она не носила: это движение было инстинктивным.

– У меня есть дела, Ричард.

– Ну пожалуйста, Сэл. Ведь мне так много нужно у тебя узнать.

– Конечно, я понимаю, но ты все узнаешь со временем. Не нужно торопиться.

– Всего лишь несколько вопросов.

Она снова села в позу лотоса:

– Пять минут.

– Хорошо. Ну, во-первых, мне хотелось бы немного узнать обстановку. Я имею в виду – что это за место?

– Это морской курорт.

Я недоуменно поднял брови:

– Морской курорт?

– Место, куда приезжают для того, чтобы провести отпуск.

Мое недоумение возросло еще больше. По взгляду Сэл я видел, что выражение моего лица забавляет ее.

– Отпуск? – попытался было сказать я, но слово так и застряло у меня в глотке. Я ждал большего. Я точно не знал, чем отличаются туристы от путешественников, чем больше я путешествовал, тем меньше ощущал разницу. Однако я был твердо убежден в том, что туристы ездят отдыхать, а путешественники делают нечто иное. Они путешествуют.

– А что же это за место, по-твоему? – спросила Сэл.

– Ну, я не знаю. Как-то даже не думал об этом. – Я медленно выдохнул дым. – Но я никак не предполагал, что это морской курорт.

Она помахала в воздухе полной рукой:

– О'кей. Я решила немножко подразнить тебя, Ричард. Конечно же, это больше чем морской курорт. И в то же время это обычный морской курорт. Мы стремимся сюда, чтобы расслабиться на прекрасном пляже, но это не морской курорт, потому что мы пытаемся убраться подальше от всяких морских курортов. Мы пытаемся обрести место, которое никогда не превратится в зону отдыха. Понимаешь?

– Нет.

Сэл пожала плечами:

– Со временем ты все поймешь, Ричард. Это не так уж сложно.

На самом деле я, конечно, понял, что она имела в виду, но не хотел в этом признаваться. Я ждал от нее подтверждений рассказа Зефа об острове, на котором возникла коммуна свободных людей. После всего того, что нам пришлось испытать, найти здесь курорт казалось недостойным вознаграждением. Меня охватила горечь разочарования при воспоминании о нашем плавании и об ужасе, пережитом нами, когда мы прятались на плато.

– Не грусти, Ричард.

– Нет, я не... Я...

Сэл нагнулась и пожала мою руку:

– Скоро ты увидишь, что здесь очень хорошо. Когда ты научишься ценить это место просто за то, что оно существует.

Я понимающе кивнул:

– Извини, Сэл. Я не хотел, чтобы ты подумала, что я разочарован. Я совсем не разочарован. Этот дом и эти деревья снаружи... Все просто замечательно. – Я засмеялся. – Это действительно глупо, но я, наверное, ожидал... идеологии или чего-то в этом роде. Какой-то цели...

Я замолчал, докуривая сигарету. Сэл и не собиралась уходить.

– А охранники на полях? – спросил я, добросовестно засовывая погашенный окурок обратно в пакет. – Они имеют к вам какое-нибудь отношение?

Сэл отрицательно покачала головой.

– Это наркобароны?

– Думаю, наркобароны – слишком громко сказано. У меня подозрение, что владельцы полей – бывшие рыбаки с Ко-Самуи, но я могу ошибаться. Они появились здесь года два назад и заняли ту половину острова. Теперь мы не можем туда попасть.

– А как им удается оставаться незамеченными для администрации морского парка?

– Точно так же, как и нам. Они ведут себя тихо. Да и, скорее всего, в этом деле замешано не меньше половины должностных лиц морского парка, поэтому владельцы полей не боятся, что здесь окажутся туристы.

– Но ведь они точно знают, что вы здесь.

– Конечно, но они ничего не могут с этим поделать. Они не выдадут нас, потому что если арестуют нас, то обязательно арестуют и их.

– Поэтому между вами нет конфликтов?

Рука Сэл коснулась висевшего у нее на шее ожерелья из ракушек.

– У них своя половина острова, у нас своя, – бодро сказала она и неожиданно встала, с преувеличенным старанием стряхивая пыль с юбки. – Пожалуй, на сегодня хватит, Ричард. Мне действительно пора идти, а у тебя все еще жар. Тебе нужно немного отдохнуть.

Я не возражал. Сэл направилась к двери. Ее майка виднелась в пламени свечи несколько дольше, чем ее кожа и юбка.

– Только один вопрос, – крикнул я ей вслед. Она обернулась. – Тот мужчина в Бангкоке... Ты знала его?

– Да, – тихо ответила она и пошла дальше.

– Кто он был такой?

– Друг.

– Он жил здесь?

– Друг, – лишь повторила она.

– Но... Хорошо, тогда еще один вопрос.

Сэл и не думала останавливаться. Теперь в темноте только покачивалась ее темно-оранжевая майка.

– Всего один!

– Какой? – донесся из темноты ее голос.

– Где у вас здесь туалет?

– На улице. Вторая хижина отсюда с края лагеря.

Яркая полоса света, обозначившая дверь дома, вновь ускользнула в темноту.

Разведка

Туалет, маленькая бамбуковая хижина на краю расчищенной площадки, был удачным примером продуманной организации лагеря. Внутри хижины стояла низкая скамеечка с дырой, в какую прошел бы футбольный мяч. Внизу, как я увидел в дыру, бежала вода – отведенный от ручья канал. В крыше зияла вторая дыра, через которую проникал пропускаемый деревьями слабый свет.

В конце концов, это был более приемлемый вариант по сравнению со многими азиатскими туалетами. Здесь, правда, отсутствовала туалетная бумага. Вполне понятная, в общем-то, вещь, но я думал, что найду здесь листья или что-то в этом роде. Вместо этого я обнаружил возле водного протока пластмассовый кувшинчик.

Пластмассовые кувшинчики можно встретить по всей провинциальной Азии. Их назначение вот уже много лет остается для меня загадкой. Я не верю, что азиаты вытирают задницу рукой (это просто смешно), однако, за исключением мытья пальцев, я не вижу других способов использования кувшинчика. Я уверен, что из него не споласкивают руки после того, как сходят в туалет. Это неэффективно и, кроме того, невообразимо хлопотно. И потом, азиаты выходят из своих туалетов совершенно сухими.

Из всех многочисленных тайн Востока эта, должно быть, разгадывается легче других, но окутана молчанием. Однажды мы с одним моим приятелем-манильцем отправились на остров неподалеку от Лусона. И как-то раз я увидел, что он стоит на дамбе и с тревогой всмат-

ривается в мангровую топь. Когда я спросил, что случилось, он сильно покраснел, отчего его коричневая кожа стала почти пурпуровой, и указал на плывущие в воде обрывки туалетной бумаги. Течение несло их к каким-то домикам, что вызывало у него панику. Причиной ее были, впрочем, не соображения гигиены, а то, что бумага выдаст его европейские «туалетные» привычки, которые для местных жителей отвратительны. Мучимый стыдом, он собирался лезть в болото, чтобы выловить всю бумагу и хорошенько ее спрятать.

Мы решили эту проблему, бросая в бумагу камни до тех пор, пока не искромсали ее на мелкие кусочки, часть из которых мы потопили. Когда мы сматывались с места преступления, я попросил его рассказать о местной замене туалетной бумаги, но он отказался и лишь туманно намекнул, что мне их обычай покажется столь же отвратительным, как им кажется наш. В тот раз я ближе всего подобрался к решению этой загадки.

К счастью, мне приспичило по-малому, поэтому я был избавлен от необходимости экспериментировать. Когда придет время сходить по-большому, сбегая в джунгли, решил я.

Я вышел из туалета и пошел обратно через площадку. Меня еще немного лихорадило, но мне не хотелось больше дышать спертым воздухом и созерцать пламя свечи. Поэтому я миновал дом, желая осмотреться вокруг. Я также надеялся найти Этьена и Франсуазу, которых еще не видел сегодня. Они, наверное, тоже изучали лагерь.

Помимо дома я насчитал на площадке девять палаток и пять хижин. Палатки использовались лишь для сна – в них лежали рюкзаки и одежда. В одной из палаток я даже заметил «Нинтендо геймбой». Хижины, по-видимому, имели специальное назначение. Кроме туалета, в лагере были еще кухня и прачечная, к которым также подвели воду. Остальные хижины служили хранилищами: в одной лежали плотницкие инструменты, в другой стояло несколько коробок с консервами. Интересно, как долго существует лагерь? Сэл говорила, что поля с мари-хуаной появились года два назад, а это означало, что путешественники обосновались здесь еще раньше.

Палатки, инструменты, консервы, «Нинтендо». Чем больше я видел, тем больше приходил в восхищение. Я восхищался не обустроенностью лагеря, а самим замыслом. Хижины, казалось, появились примерно в одно и то же время. Оттяжки палаток были закреплены камнями, а сами камни были врыты в землю. Ничего случайного, наоборот, все очень точно рассчитано. Торжество планирования над стихийным ходом событий.

Я брел по площадке, стараясь рассмотреть, что лежит в палатках, и изучая рукотворный растительный навес, пока у меня не заныла шея. Чувство благоговения сопровождалось такой же безмерной растерянностью. У меня по-прежнему возникали вопросы, и каждый вопрос тянул за собой следующий. Очевидно, что люди, создавшие лагерь, не могли обойтись без лодки. Это предполагало помощь местных жителей, а значит, здесь бывали и тайландцы. Толстяк с Ко-Самуи мог нарушить правила и оставить туристов на острове на несколько ночей, но намного труднее было представить, что тайландцы привозят сюда еду и плотницкие инструменты.

Странно также, что в лагере никого нет. Тут явно жило много людей. Раз-другой мне почудились поблизости какие-то голоса, но никто так и не появился.

Спустя некоторое время тишина и отдаленные голоса стали действовать на меня угнетающе. Сначала я чувствовал себя покинутым и мне стало жалко себя. Я подумал, что Сэл не следовало оставлять меня в одиночестве, ведь я болел и был новеньким в лагере. Вообще-то, Этьен и Франсуаза – мои друзья. А разве друзья не должны быть поблизости, чтобы видеть, что со мной все в порядке?

Вскоре чувство одиночества переросло в паранойю. Я обнаружил, что вздрагиваю от каждого шороха, доносящегося из джунглей, а мои шаркающие по земле шаги звучат необычайно громко. Я поймал себя на том, что изображаю непринужденность, как будто в расчете на тех,

кто следил за мной из-за деревьев. Отсутствие Этьена и Франсуазы стало поводом для новой тревоги.

Возможно, это объяснялось тем, что я был еще не совсем здоров, а может быть, все это было нормальной реакцией на ненормальные обстоятельства. Так или иначе, но непонятная тишина сводила меня с ума. Я решил, что нужно выбраться из лагеря, поэтому вернулся к дому за сигаретами и ботинками, но, увидев темный коридор, через который мне нужно было пройти к кровати, я отказался от своего намерения.

Из лагеря вело несколько тропинок. Я выбрал ближайшую из них.

К счастью, выбранная мною тропинка вела прямо на пляж. Песок был слишком горячим для босых ног, поэтому я сразу побежал к кромке воды. Отметив про себя, в каком месте я вышел из джунглей, я подбросил воображаемую монетку и повернул в левую сторону.

Выбравшись из вызывавшей клаустрофобию лесной «пещеры», я успокоился. Когда я шел по мелководью, я уже не знал, на чем остановить взгляд.

С водопада открывался вид на громадное кольцо гранитных скал – препятствие для спуска. Но сейчас они воспрепятствовали бы подъему. Таким грозным стенам могла бы позавидовать любая тюрьма, хотя лагуна никак не напоминала тюрьму. Помимо восхищения красотой лагуны создавалось впечатление, что утесы служили защитой – служили стенами замка, но не высящегося, а спрятанного ниже уровня моря. Во время беседы с Сэл у меня не возникло ощущения, что владельцы полей с марихуаной представляют угрозу для обитателей лагеря, но существование горной преграды между нами все равно действовало успокаивающе.

Лагуна была почти такой же по величине, как и окружавшая ее суша. Не более полутора километров в диаметре, хотя я не ручаюсь за точность. Теперь, оказавшись ближе к обращенным в море скалам, чем в тот момент, когда я находился на вершине водопада, я мог лучше разглядеть их поверхность. У кромки воды скалы были все в черных пустотах и пещерах. Создавалось впечатление, что пустоты глубоко уходили в скальную породу – достаточно глубоко, чтобы по ним можно было проплыть на небольшой лодке. Берег моря был усеян торчавшими из воды гладкими валунами, отполированными за многие века волнами и тропическими дождями.

Пройдя по пляжу несколько сотен метров, я увидел вдалеке плещущиеся в воде возле одного крупного валуна тела. Странно, конечно, но сначала у меня мелькнула мысль, что это тюлени. Приглядевшись, я понял, что это люди. Наконец-то мне удалось кого-нибудь найти.

Я подавил сильное желание крикнуть им только из-за смутного инстинкта самосохранения. Вместо этого я побежал обратно в джунгли, решив посидеть в тени и подождать, пока купающиеся не вылезут из воды. Здесь я обнаружил человеческие следы, майки и, к своему восторгу, вскрытую пачку «Мальборо». Поколебавшись секунду, я стащил из пачки сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.